

ПРЕКРАСНАЯ, БЕССЕРДЕЧНАЯ

КАРТЕР БРАУН

Глава 1

– Вот! – с триумфом сказала блондинка, аппетитная, как спелая клубничка. – Видишь, Эл, и это все натуральное!

– Детка, – восхищенно промурлыкал я, наблюдая, как все натуральное плавно покачивается, – ни секунды в этом не сомневался!

Она выпятила нижнюю губку:

– Но я же серьезно. Я просто горжусь своими формами. Ты ведь понимаешь, что я имею в виду. Не то что некоторые – ходят тут, трясут силиконом. А у меня и так все на месте... Эл!

– А?

– Ты даже не слушал! Ты все время думаешь о своих противных маньяках! А я хочу сказать, что если у девушки все при себе, то парень хоть немножко должен обращать на нее внимание. Если он настоящий парень, и...

– Прости, детка, – сказал я, ласково потрепав ее ближайšie ко мне формы. – Просто я жду, что с минуты на минуту сбудется проклятие Уилеров.

– Что? – Она изумленно захлопала ресницами.

– Просто днем почему-то никто не совершает убийств, – пояснил я. – По крайней мере, в нашем округе.

– Чего-чего?

Я вспомнил, что с Джеки следует быть терпеливым, и, надо сказать, меня это нисколько не раздражало, ведь в конце концов недостаток ума у нее с избытком восполняется изобилием форм.

– Надо мной висит проклятие, – объяснил я. – Если кто-то собирается отправить ближнего своего на тот свет, он почему-то обязательно выбирает время около полуночи. Ты, случайно, не знаешь почему?

Она задумалась на минуту, наморщив лобик, и я почти услышал, как в голове у нее что-то зашевелилось.

Затем ее лицо просветлело, словно в черепе зажглась настольная лампа.

– Это, это потому..., что ты полицейский, Эл? – спросила она с надеждой в голосе.

– Точно, – проникновенно ответил я. – Но еще и потому, что со мной сейчас ты.

Мы с тобой интимно сидим в моей интимной комнатке, и для нас интимно поет Синатра. Как ты думаешь, что сейчас будет?

Джеки заморгала голубыми веками, в больших фарфоровых глазах отразился намек на работу мысли.

– Ну тебя, Эл. – Она вдруг покраснела. – Я вовсе и не думала ни о чем таком...

– А сейчас будет вот что, – продолжал я торжественно. – В любую минуту зазвонит телефон. На другом конце провода будет висеть здоровенный боров, всем известный под именем шерифа Лейверса, моего босса. "Уилер! – завопит он мне прямо в ухо. – Ты еще дома?! Только что очередному растяпе оторвали башку!"

Резко зазвонил телефон. От неожиданности Джеки подпрыгнула так, что ее формы довольно сильно ударили меня по лицу.

– Ну, что я говорил! – простонал я. – Проклятие Уилеров! И оттого, что я знаю все наперед, мне не легче!

Я потянулся к телефону прямо с кушетки, нащупал трубку и поднес ее к уху.

– Доктор Хакенсак слушать, – сказал я решительно. – День – могу лечить. Либбер гот! Ночь сейчас – отдыхать.

Убивать утром.

– Лейтенант Уилер! – Из трубки повеяло могильным холодом. – Не думайте меня одурачить своим шведским акцентом! Говорит шериф Лейверс. Только что убили женщину!

– Ваша беда в том, шериф, – вздохнул я, – что вы не оригинальны. Вечно одно и то же. Вы звоните и...

– Заткнитесь и слушайте, – прорычала трубка. – Убили не какую-нибудь шлюху, а Джуди Мэннерс.

– Ту самую? – ошеломленно спросил я. – Которую измеряют футами там, где у других какие-то жалкие дюймы? Которая остается женщиной даже в лошадиной попоне? Это невозможно! Разве найдется хоть один дурак, который будет настолько непрактичен?

– Нашелся, – отрезал Лейверс. – И лучше двигайте-ка туда поскорее.

– Куда? – спросил я обреченно.

– Парадиз-Бич. У нее там снят..., был снят дом на все лето. Знаете виллу Мейнардс?

– Только снаружи, – сказал я. – С каких это пор честным полицейским дозволяется знать дома миллионеров изнутри?

– Я оттуда далеко, – рявкнул Лейверс. – так что, чем скорее вы управитесь, тем

лучше. Она была знаменитой голливудской киноактрисой, так что после ее смерти многие возжаждут крови, и, если мы быстро что-нибудь не предпримем, это будет наша кровь.

– Да, сэр, – согласился я. – А вы чем-нибудь заняты прямо сейчас?

– Я?... Ну... – Он промычал в трубку что-то непонятное. – Почему вы спрашиваете? – спросил он внезапно.

– Так, из любопытства, шеф, – объяснил я. – Просто мне придется покинуть мое теплую кровать и мою теплую блондинку, и я подумал, что если вы тоже заняты... – Тут я прервал свою красноречивую тираду, не желая общаться с гудящей на все лады трубкой.

Раньше Парадиз-Бич представлял собой целую милю грязного песка и мелкой гальки, окруженную густым кустарником. По-настоящему за этот кустарник принялись совсем недавно, почти весь его вырубили, посадили на его месте сосны, а сам пляж привели в божеский вид с помощью бульдозеров, так что теперь по нему действительно можно было ходить босиком, не боясь при этом покалечить себе ноги. И наконец, этот пляж был разбит на равные участки, так что, приобретая дом, покупатель получал в придачу еще и футов двести Тихого океана. Участки эти расхватали всего за три месяца, причем по цене, которую я не дал бы и за весь Тихий океан со всеми его водорослями и моллюсками.

Покупали землю Парадиз-Бич, конечно, люди очень богатые, так как сами по себе участки никакой практической ценности не имели. Владельцы всей этой роскоши, как правило, проводили в доме не более одного месяца в году, летом, и то лишь тогда, когда им больше некуда было податься.

Клайд Мейнард был богачом. Его вилла, выстроенная из оргстекла и железобетона, была самой большой на пляже. Говорили, что внутри находился один из самых здоровенных бассейнов, если не считать голливудских.

Я пристроил "остин-хили" на стоянке рядом с дымчато-серым "линкольном". Нажав на кнопку звонка у входной двери, я стоял и слушал, как он мелодично отзывался где-то внутри.

По тишине в доме я понял, что побил все рекорды скорости: полицейских, которых послал сюда шериф, не было еще и в помине, так что честь представлять закон в этом благословенном месте выпала мне. Под козырьком загорелась лампочка, и секунду спустя сквозь щель в двери я увидел, как зажегся свет в холле. В ожидании я закурил. Затем дверь открылась.

Дверная рама обрамляла фигуру длинноволосой богини в черной блузе и шортах, глядевшей на меня с вежливым удивлением.

Шорты были короткие; блуза обнадеживающе облегла ее большую красивую грудь, так что эта женщина казалась еще более голой, чем если бы она была совсем без одежды.

– Слушаю вас, – сказала она удивительно музыкальным голосом.

На несколько секунд я изо всех сил зажмурился, затем открыл глаза: видение никуда не исчезло.

– Скажите мне, – сказал я, тщательно выговаривая каждое слово, – какой сегодня день? Страшного суда?

– Нет, – ответила она.

– Тогда, может быть, первое апреля? – с надеждой в голосе настаивал я.

– Вы опоздали примерно на три месяца.

– А вы Джуди Мэннерс, – сказал я. – Я бы узнал вашу..., вас где угодно. Так почему вы еще живы?

Она посмотрела на меня с сомнением.

– Вы сумасшедший?

– Не исключено, – сказал я. – Какой болван сказал, что вы труп?

– Вы! – Теперь она поглядывала на меня с подозрением.

– А кто еще?

– Никто, насколько мне известно. Вам не кажется, что шутка зашла слишком далеко?

– Кажется, – кивнул я. – Моя фамилия Уилер, лейтенант Уилер из управления шерифа. Нам сообщили, что было совершено убийство.

Джуди Мэннерс пожала плечами.

– И так все время, – вздохнула она. – Горы писем, толпы поклонников, обрывающих телефон. И где им только удастся узнать номер? Может быть, вам позвонил какой-нибудь псих, у которого несколько странное понятие о юморе?

– Так что нам осталось весело посмеяться и разойтись по домам, – заключил я. – Вы живете здесь одна?

На секунду уголки ее губ дрогнули.

– Нет, лейтенант, с мужем и моей секретаршей.

– Они дома?

– Муж уехал, но я жду его с минуты на минуту. Секретарша здесь. А в чем дело?

Я закурил сигарету:

– Видите ли, я готов поверить, что у какого-нибудь психа сейчас обострение и он

решил пошутить. Но вдруг этот звонок был предупреждением? Вдруг кто-то решил опередить события?

Она вздрогнула всем телом, и я чуть не выронил сигарету изо рта, стараясь уследить за колебаниями грандиозного бюста.

– Вы разрешите мне войти и быстренько осмотреть дом? – спросил я. – Это всего лишь формальность.

– Прошу, – сказала она. – Но я думаю, что вы напрасно теряете время. Наверняка это был неудачный розыгрыш.

– Ну да, – неопределенно сказал я и вступил в холл.

Мы прошли в огромную гостиную с витражными окнами, которые выходили на террасу, нависавшую над пляжем. В дальнем конце комнаты был бар, на открытой панели как на заказ стояли высокие бокалы.

– Я как раз собиралась выпить, лейтенант, – сказала Джуди. – Вы не откажетесь?

– Шотландское виски и немного содовой. Спасибо, – откликнулся я. – Вы хорошо знаете Клайда Мейнарда?

– Владельца виллы? – Она покачала головой. – Я сняла ее через агента. Мне просто необходимо было отдохнуть. Последние шесть месяцев были сущим адом: турне по Мексике, съемки в Испании, две роли в Голливуде. Здесь, по крайней мере, я чувствую себя отрезанной от всего мира, да и вилла шикарная.

– И вы не стали нанимать ни служанок, ни дворецкого? – спросил я.

– Я уже сказала, мне хочется от всего и от всех отдохнуть.

Она поставила передо мной бокал и облокотилась о панель бара.

– Вы начнете осмотр сейчас или сначала выпьете, лейтенант?

– Как! Вы считаете меня способным предпочесть выпивку служебную долгу? – возмутился я.

– Ну-ну, не горячитесь, – улыбнулась Джуди. – Ваше здоровье. – Она подняла свой бокал.

– Выпьем за того психа, который нам позвонил, – предложил я. – Да удавится он телефонным шнуром.

Виски было отличным. Я чувствовал бы себя еще лучше, чем час назад в собственной квартире, если бы не муж, который мог вернуться в любую минуту.

– Вы часто ходите в кино, лейтенант? – вежливо спросила она для поддержания разговора.

– Был однажды, – ответил я. – На улице шел сильный дождь. Фильм назывался

"Рождение нации", настоящая порнография, насколько я помню.

– Расскажите мне что-нибудь о вашей работе, – предложила она, – возможно, и мне тогда удастся сказать вам какую-нибудь гадость.

– Со времени появления телевидения все стали сыщиками, – сказал я. – У нас не осталось никаких секретов. До того дошло, что я даже сочинил песенку, хотите послушать?

Она сморщила нос:

– Не думаю. Она как-нибудь называется?

– Ну конечно. "Фортуна Уилеров", – сказал я. – Изумительная песенка, очень возбуждает.

Она передернула плечами так, как будто на нее был нацелен киноаппарат. Я с восхищением смотрел, как черный шелк постепенно ложился на место.

– И все-таки вам не стоит петь, – сказала она. – Барбара может подумать, что у нас здесь вечеринка, и прибежит, даже не одеваясь. Она спит голая, это такая причуда, – добавила Джуди.

– О, так почему бы нам не пошуметь?

– Что, уже, лейтенант? – спросила она удивленно. – Не думала, что на вас так подействует одна рюмка.

– Интересно, не та ли это Барбара, которую я когда-то знал? – задумчиво пробормотал я.

– Она – моя секретарша, ее фамилия Арнольд, – сказала Джуди. – И давайте оставим эту тему! Найти себе хорошенькую девочку, в особенности вам, лейтенант, не так уж трудно, во всяком случае, гораздо легче, чем найти хорошую секретаршу!

– Какое разочарование, – сказал я. – Сiju в пустом доме с двумя очаровательными женщинами. Одну из них и раздевать не надо, но я не могу познакомиться с ней поближе, чтобы она, не дай Бог, не разучилась печатать на машинке. А у второй, к моему великому огорчению, есть муж, вероятно ревнивый, который может объявиться в любую минуту, вместо того чтобы пропасть без вести – Тяжелые нынче времена, лейтенант, – ухмыльнулась она. – Может быть, вы утешитесь, выполняя свой долг, и начнете наконец осматривать остальные помещения?

– Ну конечно, – кивнул я. – Вы уверены, что не хотите еще посидеть здесь и выпить, пока я буду осматривать комнату вашей секретарши?

– О Господи, – сказала она. – Мне говорили, что почти все полицейские – идиоты, но нахальные полицейские – это что-то новенькое, лейтенант.

Я со вздохом вспомнил свою с каждой минутой остывавшую кушетку.

– О'кей, идемте вместе.

Джуди провела меня через гостиную в кухню, затем в другую комнату, где находились две прямо-таки королевские кровати.

В этой комнате было всего три стены, на месте четвертой начинался бассейн, выходящий за пределы помещения. До самой воды, плескавшейся у ступенек, тянулся роскошный красный ковер.

Свет Джуди включить не позаботилась, но сквозь стеклянную крышу в бассейн внимательно смотрела луна, заставляя матовую поверхность воды призывно поблескивать.

– Мне нравится приходить сюда лунной ночью, – сказала она. – Как прекрасно, не правда ли?

– Правда, – неохотно согласился я.

Не то чтобы я был равнодушен к вещам, которые можно купить за большие деньги, просто мне не нравилось, что у меня нет таких денег, чтобы их купить.

– Нам осталось осмотреть только спальни, лейтенант, – сказала она. – Но предупреждаю, в комнату моей секретарши вы не войдете!

– Да-а... – протянул я разочарованно. – Но к чему нам спешить? Этот пейзаж меня восхищает. Скажите, это действительно так блестит вода или лунный свет меня обманывает?

– Конечно, вода, – сказала она. – Мы с Руди купаемся каждый день перед завтраком.

– Всегда завидовал людям, у которых есть средства на то, чтобы вести здоровый образ жизни! – восхитился я. – А кто такой Руди?

– Мой муж, Руди Равель. – В ее голосе слышались нотки нетерпения. – Простите, лейтенант, я совсем забыла, что вы не ходите в кино.

– О Руди Равеле я слышал, – сказал я. – Он, кажется, из тех, кто играет непобедимых героев: всяких там суперагентов, защитников невинности, гениальных сыщиков, благородных разбойников и прочих психов?

– Что-то в этом роде, – холодно произнесла Джуди. – Я... – Она вдруг замолчала.

Я терпеливо ожидал продолжения, каким бы оно ни было.

– Лейтенант... – сказала она нервно. – Что это?

– Что – что? – спросил я также нервно.

– Там, на краю бассейна, что-то белое... Я точно помню, что мы туда ничего не ставили!

– Включите свет, – посоветовал я, – и вы увидите.

Джуди подошла к стене и щелкнула выключателем.

Она оказалась права. Там действительно было что-то белое. Голая блондинка неподвижно лежала на краю бассейна, свесив в воду голову. Ее тело удачно контрастировало с красным ковром.

– Это Барбара, – прошептала Джуди.

– Может быть, она решила поучаствовать в какой-нибудь вечеринке еще до того, как я приехал, – предположил я, но тут же осекся и быстро двинулся вперед, потому что увидел то, что должен был заметить значительно раньше, как только Джуди включила свет: рукоятку ножа, торчавшую у блондинки между лопатками.

Когда я подошел поближе, я понял, почему она лежала так неподвижно.

Она не дышала.

Простонав что-то нечленораздельное, Джуди упала в обморок. Я мысленно ей посочувствовал. Ведь, как она сказала, сейчас очень нелегко найти хорошую секретаршу.

Глава 2

Я открыл парадную дверь после того, как позвонили в третий раз, и на расстоянии всего двенадцати дюймов от своего носа увидел круглые глаза сержанта Полника.

Это зрелище могло вывести из себя кого угодно, даже полицейского.

– Ты что, целовал входную дверь? – заорал я на него.

– Простите, лейтенант, – ответил он не задумываясь. – По дороге сломалась машина – загрязнился карбюратор. Исправляли минут пятнадцать.

– Ты лучше входи, – сказал я. – Тело в комнате у бассейна.

– Где, лейтенант?

Я повторил, и он медленно покачал головой:

– Не может этого быть.

Я избрал легкий путь и просто ничего ему не ответил. Вместе с двумя людьми в штатском он последовал за мной. Когда он увидел в комнате тело, его глаза расширились.

– Так это и есть Джуди Мэннерс? – спросил он благоговейно. – Знаете, лейтенант, я думал, что она.., круглее в некоторых местах.

– Вот Джуди Мэннерс, – сказал я торжественно, указывая рукой на королевскую кровать, где все еще в забытьи покоилась Джуди.

– Не может этого быть, – твердо сказал Полник. – Она дышит.

– И не могу сказать, что меня это огорчает, сержант, – заметил я.

– Джуди Мэннерс – та самая дама, которую пристукнули, – голосом, полным упрека, сказал Полник. – Я думал, шериф вам сказал. – Он ткнул коротким указательным пальцем в сторону блондинки на краю бассейна. – Вот Джуди Мэннерс.

– Сержант, – мягко сказал я, – ты лучше послушай внимательно, потому что еще раз повторять я не буду.

Та, которая дышит, – Джуди Мэннерс. Та, которая не дышит, – секретарша, Барбара Арнольд. Ясно?

– Так точно, лейтенант, – пробормотал он. – Кроме одного. Вы перепутали имена. Вот и все.

– Иди на пляж, – простонал я. – Хорошенько там все осмотри.

– Есть, лейтенант.

Он с готовностью развернулся и устремился к выходу, затем внезапно остановился как вкопанный.

– А что мне там искать?

– А я откуда знаю? – прошипел я, начиная терять терпение. – Просто все осмотри.

– Есть, лейтенант. – На его лбу стали собираться морщины. – Вы хотите, чтобы я смотрел все-все на пляже – песок, и воду, и...

– Все! – прорычал я, и он наконец убрался.

В комнате осталось только двое людей в штатском, занятых осмотром, фотографированием и рассыпанием специального порошка для поисков отпечатков пальцев.

Это были ребята из лаборатории, которых Лейверс, вероятно, прислал из полицейского управления. Тот, который не выпускал из рук фотоаппарата, поглядывал на меня вопросительно.

– Хотите снимки в каком-нибудь особенном ракурсе, лейтенант?

– В каком таком особенном ракурсе, и при чем здесь я? Вы что, считаете меня некрофилом? – сказал я холодно.

Он начал оправдываться и все еще пытался мне что-то объяснить, когда в

комнату ворвался доктор Мэрфи.

– И конечно, опять Уилер! – прогрохотал он. – Окруженный голыми женщинами, как всегда.

Он с интересом взглянул на Джуди.

– Изумительно, – сказал он. – Таких развитых грудных мышц я никогда не видел! Я должен осмотреть их... в научных целях.

– Труп вон там, доктор, – напомнил я ему. – Я, конечно, понимаю ваш профессиональный интерес, но...

– Да, да, конечно, – сказал он с сожалением.

Минутой позже Джуди, открыла глаза и стала медленно подниматься на кровати. В ее глазах рос ужас по мере того, как память возвращалась к ней.

– Как вы себя чувствуете? – спросил я заботливо.

– Со мной все в порядке, – отозвалась она слабым голосом. – Всего лишь небольшое нервное потрясение.

Как это случилось? Кто ее убил?

– Почему бы вам не пройти в гостиную? – предложил я. – Смешайте себе какой-нибудь коктейль, я приду через несколько минут.

– Да. – Она рассеянно кивнула. – Хорошо, лейтенант.

Она встала и нетвердым шагом вышла из комнаты.

Мэрфи закончил осмотр тела и подошел ко мне.

– Так что вы хотите знать, лейтенант? – благодушно спросил он.

– Кто ее убил, – сказал я с надеждой в голосе.

– Мне бы не хотелось оставлять вас без работы, лейтенант, – сказал он. – Я не переживу, если по моей вине вас бросят в таком возрасте на уборку мусора.

– Не знаю, – засомневался я. – Вообще-то неплохая перспектива. К тому же такому образованному человеку, как вы, не пристало быть снобом.

– Согласен, лейтенант: все работы хороши и благородны. Убирать мусор, говорить с вами – какая в конце концов разница?.. Ее пырнули ножом.

– Вы заключили это из того, что нож у нее торчит между лопаток? – вежливо спросил я.

– Вы, кажется, изволите со мной шутить, Уилер? – прохрипел он.

– Что вы, одна мысль об этом приводит меня в ужас, – успокоил я его. – Что еще

вы узнали?

– Смерть наступила мгновенно. Это произошло минимум час, максимум – два часа назад. – Он внезапно усмехнулся. – Не густо, да? И вскрытие почти наверняка ничего другого не покажет.

– Вы сделали все, что могли, док, – сказал я. – То есть ничего, как всегда.

– Хотите, я осмотрю ту, другую, – предложил он. – У нее может быть сильный шок.

– Самый сильный шок она получит во время вашего осмотра, док, – сказал я. – Как вы думаете, ту женщину убили здесь?

– Уверен в этом, – решительно сказал Мэрфи. – Почти нет крови. Если бы она., если бы ее несли на руках или тащили по полу, крови было бы намного больше.

– Спасибо и на том, – сказал я.

– Пожалуйста. – Доктор потер руки. – Так если я вам больше не нужен, я, пожалуй, пойду. Шок, знаете ли, вещь серьезная.

– Знаю, – сказал я утомленно. – Поэтому и не пускаю вас к той, которая еще дышит. Мне бы не хотелось, чтобы она перестала это делать.

Я прошел в гостиную и увидел, что Джуди стоит неподвижно перед нетронутым бокалом вина. Руки она положила на стойку бара, крепко сцепив пальцы.

– Я все еще не могу поверить, лейтенант, – проговорила она запинаясь. – Это как страшный сон.

– Понимаю, – сказал я. – Как вы себя чувствуете?

Мне придется задать вам несколько вопросов. Вы сейчас в состоянии отвечать?

– Конечно, – сказала она отрывисто.

– Когда вы ее видели в последний раз?

Она на секунду задумалась:

– Руди ушел около восьми. Мы с Барбарой почти сразу же сели смотреть телевизор. Затем она ушла к себе, сказала, что хочет лечь пораньше. Это было около десяти вечера, но точно не помню.

– Вы ее после этого не видели?

– Нет. Я выключила телевизор примерно в половине двенадцатого, не дожидаясь Руди, затем решила выпить.

Но вы мне помешали.

– Вы ничего не слышали? Никаких звуков – стонов, криков?

Джуди покачала головой.

– Нет, не помню. Двери были закрыты, так что я в любом случае ничего бы не услышала.

– Доктор установил, что смерть наступила между одиннадцатью и двенадцатью ночи, – сказал я.

Она вздрогнула:

– Барбару убивали, когда я сидела здесь и спокойно смотрела телевизор! Чудовищно!

Хлопнула входная дверь. Через несколько секунд в гостиную вошел мужчина и, увидев нас, остановился.

– Что здесь, черт побери, происходит? – спросил он крайне любезно.

Он был высок ростом, хорошо сложен. Волнистые черные волосы были, на мой взгляд, немного длинноваты и придавали его лицу мальчишеское выражение, а тонкая линия усиков была подстрижена особенно тщательно. На плечи он небрежно накинул белую шелковую спортивную куртку, так что рукава болтались по сторонам, а руки глубоко засунул в карманы брюк.

Черная с монограммой рубашка без галстука была застегнута до последней пуговицы. Сигарета пиратски свисала с нижней губы. По одному его виду можно было сказать, что это капитан Блад, и никто другой.

– Руди... – Голос Джуди сорвался. – Произошло ужасное.

– Налоговый инспектор? – Он высокомерно улыбнулся. – Пусть только попробует сунуть нос в мои счета! У меня в Калифорнии такие юристы...

– Руди, ты не понимаешь! – задыхаясь, сказала она. – Барбара.., умерла.

– Умерла? – коротко повторил он.

Глубоко затянувшись сигаретой, он медленно выпустил дым через ноздри. Его глаза сузились, стали пронизательными, вдумчивыми. "Не хватает звукового сопровождения, – решил я. – Звон шпаг на заднем плане при упоминании о налоговом инспекторе как раз сейчас должен смениться музыкальной темой, сопутствующей размышлениям главного героя".

– То есть как это умерла? – тихо спросил он.

– Руди, – ее голос дрожал от ярости, – может, ты прекратишь наконец корчить из себя героя. Ты не на сцене! Барбара мертва, ее убили всего несколько часов назад!

Его лицо побледнело.

– Кто?

– Я не знаю, – сказала Джуди. – Это лейтенант Уилер из управления шерифа. Кто-то позвонил им и сообщил, что меня убили. Лейтенант настоял на осмотре дома и... – Она опять расплакалась.

Секунду Руди Равель глядел на меня безумными глазами, затем успокоился, – видимо, тоже услышал музыкальную тему, – и в его взгляде снова появилась мудрость и проницательность.

– Кого вы подозреваете, инспектор? – спросил он, делая ударение на каждом слове.

– Пока никого, – сказал я. – И я лейтенант, мистер Равин.

– Равель! – отрезал он. – Но вы должны кого-то подозревать! У вас должны быть улики! Это уголовное дело, а вы никого не подозреваете!

– Верно, – сказал я. – Думаю, вы правы. Мы всегда должны подозревать. Пожалуй, начнем с вас.

У Руди отвисла нижняя челюсть.

– Меня? – В горле у него булькало.

– Конечно. Где вы были сегодня вечером?

– Я выходил, – сказал он. – Вы не имеете права...

– Выходили? – удивленно сказал я. – Выходили куда?

Прогуляться и по дороге пырнуть какую-нибудь женщину ножом?

Он нахмурился:

– Я не обязан выслушивать эти грубости! Учтите, я человек влиятельный и этого так не оставлю! Я не намерен терпеть..., этот допрос!

– Хорошо, мистер Шопен, – вежливо сказал я. – Но пока я попросил бы вас покинуть эту комнату. Мне надо поговорить с вашей женой наедине.

– Мое имя Равель! – проскрежетал он. – Клянусь дьяволом, вы мне заплатите за это!

– Какая знакомая фраза, – сказал я задумчиво. – В кино я не хожу, так что, должно быть, я читал ее в книге, а?

Судя по выражению его глаз, я через секунду должен был стать трупом, но он просто повернулся и выбежал из комнаты.

– Пожалуйста, не обращайтесь на него внимания, – сказала Джуди Мэннерс. – Он такой ребенок. Для него не существует ничего, кроме сцены.

– У каждого свои неприятности, – сказал я вежливо. – Вам не повезло с Руди,

мне – с человеком по имени Лейверс.

– Я думаю, бедной Барбаре все это не поможет, – тихо сказала она. – Но вы хотели меня о чем-то спросить, лейтенант?

– Просто расскажите мне о Барбаре Арнольд, – попросил я. – Как долго вы ее знали?

– Три месяца, – ответила Джуди. – Мы наняли ее по объявлению в Голливуде. Она была хорошей секретаршей, и, когда мы сняли этот дом, взяли ее с собой.

Я немного знаю о Барбаре, лейтенант. Как-то она призналась мне, что она сирота и что у нее нет даже дальних родственников.

– Она была замужем? Может быть, встречалась с мужчиной?

– За все время, что она была с нами, я никого с ней не видела, – сказала Джуди.

– Она не жаловалась на какие-нибудь неприятности?

– Она никогда ни на что не жаловалась, и я не верю в то, что у нее могли быть враги. Это была хорошая женщина и хороший секретарь. Жаль, что я больше ничего о ней не знаю.

– Но может быть, вы постараетесь вспомнить хоть одну причину, по которой кто-нибудь мог желать ей смерти? – спросил я с надеждой.

Джуди не ответила. Она подняла бокал и выпила виски одним длинным глотком. Секунду он глядела рассеянно на опустевший бокал, затем поставила его на панель бара.

– Я могу назвать только одну причину, лейтенант, – сказала она бесцветным голосом.

– Да? – Я просиял. – Говорите.

– В комнате было темно, туда проникал только лунный свет, помните? – прошептала она.

– Конечно, – кивнул я головой. – И?..

– Она была голой, лейтенант. В темноте, даже при лунном свете, одно голое тело мало отличается от другого, а она была блондинкой, как и я.

Я начал улавливать суть. Джуди нервно вертела в пальцах пустой бокал, возвращала его на панель бара, снова брала в руки.

– Я думаю, – сказала она, закрывая глаза, – убийца сделал большую ошибку. Это не Барбару он хотел убить, а меня.

Всего было три письма, адресованных Джуди Мэннерс и отправленных на Парадиз-Бич. Адрес был аккуратно отпечатан на машинке. На всех конвертах стоял штампель Пайн-Сити. Первое письмо было получено десять дней назад, второе – два. В первом письме на белой карточке было отпечатано:

"Я сплел ей траурный венок
Из нежно пахнувших цветов.
И перед тем как умереть,
Она дрожала, как листок".

Я прочитал и взглянул на Джуди. Ее глаза стали в два раза больше, она смотрела сквозь меня невидящим взглядом.

– Это четверостишие из поэмы Китса "Прекрасная бессердечная дама", – сказала она слабым голосом. – Изменено только одно слово: "полюбить" на "умереть".

Во втором письме на такой же карточке было написано:

«Прекрасная бессердечная дама умрет в своем Раю».

Чуть ниже следовали еще две строчки:

"И дикие глаза закрыл
Ударами ножа".

– "Ударами ножа" вместо "целуя их", – не дожидаясь моего вопроса, сказал Джуди.

Третье письмо было несколько длиннее остальных.

"Прекрасную даму, – говорилось в нем, – похоронят в ее родном Окридже. Покоиться она будет между усопшими Элиас Фрай и Пирл Коулмен. На памятнике ее будет надпись: «Здесь покоится Джуди Мэннерс, школьная подруга Пирл Коулмен и Сандры Шейн. С глубокой скорбью Джонни Кей». Эпитафию ей сочинят такую: «И птички не чирикают».

Я внимательно перечитал все три письма.

– Вам это о чем-нибудь говорит? – спросил я.

– Да, – сказала Джуди. – Я потому-то и обратила внимание на эти письма, хотя сообщения такого рода я получаю довольно часто. Все дело в именах. Я знаю, точнее, знала всех этих людей. Я родилась и выросла в Окридже. С Пирл и Сандрой мы вместе ходили в школу, они были моими лучшими подругами. Пирл погибла, когда мне было шестнадцать. Кто бы ни написал эти письма, он достаточно хорошо меня знает.

– Кто такой Джонни Кей?

– Мы должны были пожениться. Вы ведь знаете, как люди влюбляются в семнадцать лет. Кажется, что это на всю жизнь... Да и не только кажется. –

Джуди помолчала. – Мы прямо с ума сходили друг по другу.

– Но вы не поженились?

– Нет. – Она задумчиво покачала головой. – Джонни был на три года старше меня. Он ушел в армию, в авиацию, и годом позже был убит в Корее.

– Простите, – сказал я.

– О, это было так давно. По крайней мере, мне так казалось, пока я не получила эти письма.

– А при чем здесь поэма? – спросил я. – Какое к этому имеет отношение "Прекрасная дама"?

– О, это просто нечто вроде шуток Джонни. Как-то раз я не смогла пойти на свидание с ним, и он назвал меня Прекрасной бессердечной дамой. Он называл меня так каждый раз, когда я почему-либо не могла прийти. – Ее глаза затуманились. – Но об этой шутке никто, кроме нас, не знал. А Джонни погиб семь лет назад. Кто, кроме него, может ее помнить? Это и пугает меня больше всего.

– Где находится Окридж?

– В двухстах милях отсюда, – сказала она. – Маленький городок, граничащий с пустыней. Я уехала оттуда в восемнадцать лет, сразу после того, как погиб Джонни. Мне там больше нечего было делать.

– Не возражаете, если я пока оставлю эти письма у себя?

– Конечно нет, – сказала она. – Как вы думаете, лейтенант, может быть так, что Барбару убили по ошибке?

Позади меня раздался скрежещущий звук, от которого у меня заныли челюсти. Я вздрогнул и, обернулся. На пороге стоял Полник и озабоченно скреб в затылке.

– Лейтенант, – сказал он хладнокровно, – на этом пляже ничего нет, кроме песка и нескольких отпечатков ног.

– А рядом с бассейном ты ничего не нашел? – спросил я. – Туда мог кто-нибудь проникнуть прямо с пляжа?

– Да, – неуверенно сказал сержант. – Бассейн выходит за пределы комнаты, а снаружи он окружен стеной футов в пять, так что перелезть нетрудно. Но отпечатки ног очень неясные.

– Ладно, – сказал я, – спасибо.

Полник взглянул на меня:

– Что еще, лейтенант? Проверить окна и двери?

Я взглянул на Джуди Мэннерс:

– Вы извините нас?

– Конечно. Скажите, лейтенант, я вам еще нужна? – нерешительно спросила она.

Я увидел на лице Полника глупую ухмылку и ткнул его под ребро, прежде чем он успел что-нибудь ляпнуть.

– Если нет, – продолжала она, – я пойду прилягу.

– Хорошо, – сказал я. – Остальное может подождать до утра.

– Спасибо, – кивнула она. – Спокойной ночи.

Джуди вышла из комнаты, и я взглянул на Полника.

Тот уставился в пространство, и в его глазах застыло мечтательное выражение, а нос нервно подрагивал.

– Какая женщина! – сказал он страстно. – Если бы моя старуха хоть немного была такой, я бы не торчал сейчас здесь ночью, я бы даже не вылезал из кровати по утрам!

– Прекрасная бессердечная дама, заполнившая тебя... – продекламировал я.

– Чего-чего? – переспросил Полник.

– Это поэзия, – пояснил я.

– Но здесь нет даже рифмы, – сказал он скорбно. – Небось это навалял какой-нибудь грязный хиппи?

– Да, некто Джонни Ките, лучший из хиппи, – согласился я. – Кстати, ты умеешь печатать на машинке?

Полник несколько раз моргнул, затем его физиономия расплылась в улыбке.

– Лейтенант, вы самый хороший и умный человек на свете. Вы предоставляете мне такой шанс, да?

– Что? – ошеломленно пробормотал я.

– Как умно, – сказал он восхищенно. – Эта Мэннерс лишилась своей секретарши, и вы сразу почувствовали, что ее надо заменить кем-нибудь из своих.

Я помогу вам. Прямо отходить не буду от этой женщины! И он еще спрашивает, умею ли я печатать на машинке?!

Я нетвердыми шагами направился к бару и налил себе полный стакан. После хорошего глотка я отважился заговорить.

– Слушай внимательно, – сказал я. – Это, конечно, изумительная идея, но мы..., воплотим ее в жизнь потом.

А сейчас надо обыскать комнату Барбары Арнольд. Она была секретаршей. У нее там должна быть машинка. Если ты ее найдешь, напечатай на ней что-нибудь, а когда придешь обратно в управление, сравни это, – я передал ему три письма, – с тем, что напечатал. Мне надо знать, один и тот же это шрифт или нет. Понял?

– Понял, – сказал Полник. – Но мне все-таки кажется, что я лучше придумал.

– Может быть, – великодушно согласился я. – И когда ты станешь лейтенантом, то получишь полное право загружать работой своего сержанта, а сам в это время будешь оставаться с женщинами. А пока что...

– Понял, – мрачно сказал Полник и вышел из комнаты.

Я допил виски, закурил сигарету и затем отправился на поиски Равеля, ведомый божественными звуками музыкальной темы главного героя. Он сидел в гостиной в кресле и то ли просто глядел в окно, то ли любовался своим отражением в стекле.

Когда я вошел в комнату, Руди Равель нахмурился.

– Вы уже нашли преступника, лейтенант? – холодно осведомился он.

– Кому, как не вам, мистер Равель, знать все сложности нашей работы, – сказал я. – Блуждаем в потемках, пока кто-нибудь не признается.

– Так я и думал, – кивнул он. – И далеко вы продвинулись?

– Не дальше вас, – ответил я. – Что вам известно о Барбаре Арнольд?

– Она была секретаршей, – сказал он коротко. – Это все, что я знаю. Мы нашли ее в Голливуде, когда решили отдохнуть.

– Как вы думаете, почему кому-то взбрело в голову убить ее?

– Понятия не имею, – сказал он и выпрямился в кресле, крепко сжав сигарету зубами.

Я мысленно восхитился звуками тревожного марша, зазвучавшего в этот момент где-то на заднем плане.

– Если вы не найдете убийцу, лейтенант, то найти его будем моим долгом, – заявил герой.

– Тогда найдите себе хорошего сценариста, – посоветовал я, – это поможет вам преуспеть.

Он презрительно пожал плечами:

– Дешевый юмор, лейтенант!

– Что делать, – сказал я. – Какова зарплата, таков и юмор. Где вы были сегодня вечером?

– Я выходил. Я уже отвечал на этот вопрос.

– Пожалуйста, поподробнее. Когда вы ушли из дому?

– Около восьми. Мне надо было повидаться в Пайн-Сити с одним моим другом, режиссером Доном Харкнессом. Он остановился в отеле "Старлайт".

– В котором часу вы к нему пришли?

– Откуда я знаю, – раздраженно ответил Руди. – Вы что, думаете, я ношу с собой хронометр? Примерно в четверть девятого.

– И в котором часу вы от него ушли?

– Ну, знаете, лейтенант! Я не помню и.., уж не думаете ли вы, что я вернулся сюда и убил Барбару?

– Это интересная мысль, – сказал я. – Так вы ее убили?

– Конечно нет! – вскричал он. – С какой стати мне нужно было ее убивать?

– Я мог бы ответить на этот вопрос, – сказал я, – но предпочитаю оставаться джентльменом. Воспитание не позволяет, знаете ли... С пляжа в бассейн мог проникнуть любой, включая и вас тоже. Так что я надеюсь, что вы мне говорите чистую правду. Ведь я все равно проверю.

Руди глубоко вздохнул.

– Лейтенант, – сказал он голосом мягким и успокаивающим. – Могу я говорить с вами как мужчина с женщиной?

– Конечно, – сказал я решительно. – Можете даже закрыть глаза, если это вам поможет.

– Я ушел от Харкнесса около десяти, – скорбно начал он. – Затем я отправился к одной особе...

– Не заставляйте меня волноваться, – сказал я вежливо. – Я умираю от любопытства и страшных подозрений.

Руди поморщился:

– Об этом даже смешно говорить, лейтенант. Я имею в виду, что она еще совсем ребенок и...

– И вы пошли баюкать ее в колыбельке? Кстати, эту юную особу, случайно, не Политой зовут?

– Не придирайтесь к словам, лейтенант, – прорычал Равель. – Конечно, она уже совершеннолетняя, но я – знаменитый актер, и она предо мной робеет, понимаете, что я хочу сказать! – Он попытался придать своему лицу честное, искреннее выражение. – Я встретил ее в Париже в прошлом году, и с тех пор она не дает мне покоя. Она узнала мой адрес и приехала в Пайн-Сити.

Я просто пошел туда, чтобы вразумить ее, сказать, что между нами все кончено.

– И она устроила вам небольшой ночной концерт? – спросил я.

Он вновь поморщился:

– Я постарался быть как можно более тактичным, но ничего не добился. Когда этой женщине что-нибудь хочется, она становится упрямой как осел. Если Джуди что-нибудь узнает...

– И как этого осла зовут?

– Камилла, – сказал он. – Камилла Кловис. Я это точно знаю, сам бы не поверил, если бы не видел ее паспорта. Она снимает квартиру в месте, которое называется "Дневная мечта". Я провел с ней сегодня часа полтора, а потом пошел прямо домой.

– Я проверю, – сказал я.

– Сделайте мне одолжение, лейтенант, – взмолился он, – не говорите ничего моей жене. Она с ума сойдет от ревности, если что-нибудь узнает. Не скажете?

– Попытаюсь, – пообещал я ему. – Что еще?

– Я и так наболтал чертовски много, – нахмурился он.

– Если вы не знаете, кому было выгодно убийство Барбары Арнольд, то, может быть, поделитесь своими соображениями насчет того, кому приспичило убить вашу жену?

Руди уставился на меня, нахмутив брови:

– Это что, шутка?

– Ваша жена утверждает, что Барбара убита по ошибке, что Барбару спутали с ней.

– Зачем кому-то убивать Джуди? – медленно произнес он.

– Не знаю, – сказал я. – Она вам ничего не говорила о письмах?

– Каких письмах?

– Значит, ничего. Похоже, что только у этой Камиллы Кловис были причины убить вашу жену.

– У Камиллы? – Он коротко рассмеялся. – Вы с ума сошли! Камилла и мухи не

обидит.

– Что ж, возможно, Камилла здесь ни при чем. А вы?

– Я? – Руди посмотрел на меня безумными глазами. – С какой стати мне убивать Джуди?

– Вот и мне тоже интересно. Может, объясните? – сказал я с надеждой в голосе.

– Вы сумасшедший, – сказал он. – И если вы обвиняете меня в том, что я убил Барбару, спутав ее с Джуди, то мне придется отправиться к своему юристу, а вам – в Клинику для душевнобольных! – Он презрительно усмехнулся. – Мы женаты уже три года. Вы что думаете, я никогда не видел свою жену голой?

Мысленно я признал счет один – ноль в его пользу и отправился искать сержанта Полника. Тот обретался в комнате убитой секретарши.

– Я уже почти закончил, лейтенант – сказал он. – Машинка стояла на столе. Больше ничего нет.

– Даже писем нет? – спросил я. – Дневника, фотографий с автографами кинозвезд, пластинок?

– Ничего, – сказал он равнодушно. – У этой дамы в комнате нет ничего, кроме печатной машинки и одежды.

– Мне кажется, секретарше больше ничего и не надо, – сказал я. – А самые прогрессивные обходятся одной лишь печатной машинкой.

Глава 4

Когда я вернулся домой, кушетка моя остыла, и Джеки на ней уже не было. Я не чувствовал себя вправе упрекать ее за это: на ее месте я поступил бы так же.

Поэтому я лег спать в гордом одиночестве и проснулся около девяти, бодрый как духом, так и телом.

Лейверс уже наверняка ждал меня в управлении, но утро было такое прекрасное, солнце светило так ярко, что мне не хотелось нарушать это очарование и я отправился сначала в отель "Старлайт".

Портье меня узнал.

– В чем дело, лейтенант? – спросил он угрюмо.

– Обычная проверка, – успокоил я его. – Ассоциация девиц легкого поведения обвиняет управление отеля в том, что оно дерет тройную плату с клиентов.

– Как смешно, лейтенант, – сказал он устало. – Вам нужен кто-нибудь из наших клиентов?

– Харкнесс. Дон Харкнесс.

Портье заглянул в книгу.

– Семьсот второй номер, – сказал он. – Позвонить ему?

– И предоставить ему шанс выброситься из окна? – возмутился я.

– Если вы не возражаете, лейтенант, – сказал он холодно, – я попросил бы вас подняться к нему в номер прямо сейчас. Мы теряем клиентов из-за того, что вы стоите в холле. Люди обращают на вас внимание. – Он слегка скривился. – И потом, этот ваш галстук...

– Он вручную разрисован самим Пикассо, – сказал я. – Не думаю, что вы такой где-нибудь достанете дешевле чем за полтора доллара.

Решив, что нервная система портье не выдержит дальнейших перегрузок, я направился к стальной коробке лифта, который доставил меня на седьмой этаж.

Номер Харкнесса был в самом дальнем конце коридора. Прежде чем дверь открылась, мне пришлось постучать четыре раза.

Мужчина в пижамных брюках и черном шелковом халате с любопытством глядел на меня.

Он был высок и лыс, с детским выражением лица и кустистыми черными бровями над серыми настороженными глазами.

– Мистер Харкнесс? – спросил я.

– Точно, – ответил он низким голосом.

– Лейтенант Уилер из управления шерифа, – сообщил я ему. – Я бы хотел задать вам несколько вопросов.

– Заходите, – сказал он. – Я завтракаю.

Я вошел в комнату, и он уселся за стол, весь уставленный тарелками и блюдами, наполненными разнообразной снедью.

– Чашечку кофе, лейтенант?

– Спасибо, – сказал я и уселся в глубокое кресло.

Он налил мне кофе и протянул чашку:

– В чем дело?

– Убийство. Вы разве не знаете, что вчера ночью произошло убийство секретарши Джуди Мэннерс?

– Да, – он кивнул головой, – слышал, – и отправил себе в рот солидный кусок сэндвича.

– Что, газетчики уже пронюхали? – спросил я с интересом.

Он покачал головой:

– По крайней мере, в тех газетах, которые читаю я, сообщений еще не было. Просто часа в два ночи мне позвонил Руди Равель.

Я отхлебнул кофе, обдумывая его слова. Харкнесс ухмыльнулся.

– Я знаю, о чем вы думаете, лейтенант. Но он действительно был у меня. Пришел около девяти, ушел в половине одиннадцатого. Вы это хотите знать?

– Нет, – сказал я. – То время, что он был с вами, меня не интересует. Меня интересует, что он делал, когда ушел. Кстати, Равель ваш друг?

Он намазал маслом еще один сэндвич и положил сверху большой кусок бекона.

– Деловой компаньон, – сказал он коротко.

Его ровные белые зубы прямо-таки с людоедской жадностью впились в сэндвич.

– Руди – оригинальный парень, – промычал он с набитым ртом. – Когда Амур всадил стрелу ему в задницу, он стоял перед зеркалом.

– Вы снимаете кино, мистер Харкнесс?

Он улыбнулся:

– Я продюсер. И с такими кинозвездами, как Руди Равель и Джуди Мэннерс, следующая картина будет иметь бешеный успех.

– Вы знали покойную Барбару Арнольд?

– Встречал несколько раз. В доме на Парадиз-Бич, – сказал он. – По-моему, она была ничего. Но я слишком плохо ее знал.

– Вы никого не подозреваете?

– Нет, лейтенант. – Он взялся за кофейник. – Еще чашечку?

– Спасибо, достаточно, – сказал я.

Он налил себе полную чашку и добавил три ложки с верхом взбитых сливок.

– Руди, наверное, договорился с вашим шерифом, – сказал он, – если уж в газетах об убийстве ни слова.

– Может быть, – сказал я. – Во всяком случае, мне об этом вряд ли станут докладывать.

– Я надеюсь, что вы быстро распутаете это дело, лейтенант, – сказал Харкнесс. – Боюсь, если оно будет предано гласности, вам кое-кто устроит

большие неприятности.

– Есть версия, что Барбару Арнольд приняли за Джуди Мэннерс, – сказал я.

Харкнесс выпрямился в своем кресле:

– Джуди? Какого черта кому-то убивать Джуди?

Все они точно сговорились отвечать мне именно так на этот вопрос.

– А среди ваших знакомых нет кандидатов на роль убийцы? – спросил я его.

– Нет, лейтенант. – В подтверждение своих слов он помотал головой. – В это трудно поверить. Джуди безупречна.

– Ее формы тоже, – заметил я.

– Фигура у нее великолепная, – со знанием дела ухмыльнулся Харкнесс. – И она не из глупеньких красоток, у нее есть и талант и ум. О, эта девочка великая актриса! Она умеет играть.

– Так же как и ее муж, – сказал я. – Но только он никак не может остановиться.

– Для Руди это естественно, – сказал он. – Руди старомоден: для него любая сцена в шесть раз больше жизни.

Любой педагог выгнал бы его из своей театральной школы, но в определенных ситуациях он незаменим.

– Женщины тоже так считают, – ввернул я. – По крайней мере, так говорят.

– Это точно, – кивнул Харкнесс. – Но не вздумайте упомянуть об этом при Джуди. Стоит ему только взглянуть на какую-нибудь девчонку, и Джуди разбивает об его голову первый попавшийся стул. Руди надо быть поосторожнее, иначе он плохо кончит.

– Насколько неосторожен он был со своей секретаршей? – спросил я.

Харкнесс покачал головой:

– Я думаю, здесь вы ошибаетесь, лейтенант. Руди все-таки не идиот! – Нахмурившись, он окинул взглядом опустевшие тарелки. – Вы извините меня? Я, признаться, все еще голоден.

Он встал, подошел к телефону и набрал номер бюро обслуживания.

Не представляю, как можно пить за завтраком больше двух чашек черного кофе, поэтому я старался не слушать, как он заказывает себе пшеничные пирожки, кленовый сироп, еще кофе и взбитые сливки.

Дверь внезапно открылась, и в комнату вошел высокий широкоплечий мужчина. Я сразу решил, что он собирается пробоваться на главную роль в фильме ужасов.

Это был прямо-таки ходячий труп, с пустыми, глубоко запавшими глазами и толстыми пучками седых волос, торчащих из ушей.

Мой желудок начал меня подводить еще тогда, когда Харкнесс поглощал свой завтрак, а теперь он чуть было окончательно не сдал. В отчаянии я закурил сигарету.

Харкнесс закончил говорить по телефону и кивнул трупу:

– Привет, Бен, – сказал он. – Это лейтенант Уилер из управления шерифа. Лейтенант, рад познакомиться вас со своим компаньоном Беном Лютером.

– Полицейский, – сказал Лютер голосом, напоминающим заводской гудок. – Какого черта ему здесь надо?

– Ну, ну, успокойся, Бен, – быстро сказал Харкнесс. – Просто прошлой ночью убили секретаршу Равеля на Парадиз-Бич.

– При чем здесь ты? – холодно спросил Бен.

– Ни при чем, – заверил его Харкнесс... – Самая обычная проверочка. Просто Руди вчера вечером был у меня.

Лютер злобно на меня посмотрел:

– Вы считаете, что это сделал Равель?

Я вернул ему этот взгляд с лихвой.

– А при чем здесь вы?

– При том! – сказал он. – Я вложил в Равеля деньги не для того, чтобы его впутывали в какие-то истории.

Вам понятно?

Я с упреком взглянул на Харкнесса.

– Вам следовало бы сказать мне сразу, что Лютер – новый президент Соединенных Штатов, – сказал я. – Я бы встал при его приближении.

– Не обращайтесь внимания на Бена, – растерянно улыбнулся Харкнесс. – Он немного разволновался.

– Разволновался! – прорычал Лютер. – Интересно, кто бы на моем месте не разволновался?! Тебе-то беспокоиться не о чем, деньги-то мои, не твои!

– Ну же, Бен, – взмолился Харкнесс, – перестань.

Я же сказал тебе – это самая обычная проверка.

– Ты сказал мне, что Равель больше не путается с бабами! – заорал Лютер. – Ты

мне дал честное слово, а я тебе поверил, старый дурак! Кто ее прикончил? Какой-нибудь ревнивец?

– Бен! – Харкнесс покраснел от натуги, стараясь сохранить на лице дружеское выражение. – Расследование еще не закончено, а ты так кипятишься, как будто все знаешь наперед!

– Почему еще ее могли убить? – прервал его ходячий труп. – Он вечно крутится у какой-нибудь юбки!

Ты говорил мне, что сейчас ему никто не нужен, кроме жены. Сорок миллионов мужчин успокоились бы, имея такую жену. Но Равель – нет! Он всем должен доказать, что он сверхчеловек!

– Бен, – спокойно сказал Харкнесс, – почему бы тебе не помолчать? Может, стоит подумать, прежде чем отправлять человека в газовую камеру?

Секунду Лютер смотрел на него, потом немного сбавил тон.

– К черту, – сказал он с отвращением. – Меня просто тошнит от этого Равеля.

Раздался вежливый стук в дверь, и в комнату вошел официант. Он начал быстро выгружать полный поднос на стол. Но Харкнесс отослал его и принялся за дело сам.

– Вы знали эту женщину? – спросил я Лютера.

– Барбару? – Он кивнул. – Конечно, знал. Приятная женщина. Потому-то я как и взбесился: если бы Равель оставил ее в покое, ей бы еще жить и жить.

– У него с ней что-то было?

– Думай о том, что ты говоришь, Бен, – угрюмо сказал Харкнесс. – Это все, что я прошу.

Лютер, язвительно прищурившись, наблюдал, как Харкнесс поливает пшеничные пирожки кленовым сиропом, затем он посмотрел на меня, и глаза его блеснули.

– Я встретил Барбару на пляже, когда мы были у них в доме и обсуждали новую картину, – сказал он. – Меня просто бесит, что ее убил какой-то ревнивый псих! Я уверен, что ее убили из ревности. Равель приставал к ней, а кто-то ее приревновал и ухлопал.

– Это интересная версия, мистер Лютер, – сказал я вежливо. – Вы знаете того, кто ее приревновал?

Он с сожалением покачал головой:

– Нет, но я уверен, что стоит только вам его найти, считайте, что вы поймали убийцу!

– Ну, что ж, спасибо, – сказал я.

– Хочешь кофе, Бен? – промямлил Харкнесс, с полным ртом пирожков и сиропа. – Теперь, когда ты отправил Руди в газовую камеру, не хочешь ли перекусить?

– Кофе! – Лютер даже поперхнулся от ярости. – У меня руки чешутся пойти и набить морду твоему Равелю.

– И испортить такой профиль! – сказал Харкнесс. – Нет, Бен, ты окончательно рехнулся.

Я посмотрел, как он по рассеянности положил себе в кофе три лишних ложки взбитых сливок, и решил, что мне пора уносить ноги, пока мой желудок окончательно не взбунтовался.

Когда я поднялся с кресла, Лютер взглянул на меня.

– Проследите за Равелем, – сказал он, – и вы быстро докопаетесь до сути, лейтенант.

– Бен! – в отчаянии завопил Харкнесс.

– И, – невозмутимо продолжал Лютер, – у меня к вам маленькая просьба, лейтенант. Когда этого никто не будет видеть, отделайте Равеля своей дубинкой в тех местах, которые не будут позировать перед камерой, ладно?

"Дневная мечта" – очень приятное местечко. В особенности если ты в состоянии платить несколько сотен долларов аренды в месяц.

Сам дом находился примерно в сотне ярдов от дороги – современное двухэтажное здание, выстроенное в форме подковы вокруг большого плавательного бассейна. Сзади располагались два теннисных корта, сад с лужайками, на которых стояли бильярдные столы. Дорожки, посыпанные гравием, петляли между деревьями.

На дверях конторы висела табличка с надписью "Управляющий". Я вошел без стука, и невысокий мужчина отпрянул от окна, уронив при этом на пол большой бинокль.

– Ох! – Он нервно поежился. – Вы меня испугали.

– Это моя работа, – сказал я ему. – Я ищу мисс Кловис, Камиллу Кловис.

– Да, да, конечно, – торопливо сказал он. – Очаровательная женщина! Ее квартира 5-А, почти в самом центре.

– Спасибо, – сказал я.

– Ну что вы, что вы! – Он потоптался в нерешительности. – Я думаю, – выдавил он из себя в конце концов, – что мисс Кловис сейчас у бассейна. Да, у бассейна,

я уверен в этом.

– Спасибо, – повторил я.

Я вышел из конторы и направился к бассейну. Вдоль бортика плыла толстая блондинка в ярко-красном купальнике. Она изо всех сил вытягивала шею, стараясь не замочить сигарету, дымившуюся в длинном мундштуке.

Бедняжке приходилось с удвоенным усердием загребать руками и ногами, чтобы удержать себя и сигарету на поверхности, и я решил, что это такое специальное упражнение – толстуха явно стремилась похудеть. Огонек сигареты отражался в тонированных стеклах солнцезащитных очков. Их оправа, как я заподозрил, была инкрустирована бриллиантами.

Чуть дальше на краю бассейна какая-то брюнетка лежала лицом вниз, положив голову на согнутые руки.

У нее были длинные ноги, переходящие от полных бедер к нежным лодыжкам и красивым ступням. Разрисованное черным и желтым с серебряной ниткой бикини – что я с удовольствием отметил – было настолько мало, что служило не более чем символом. Лифчик на спине был развязан.

Я молча стоял, оценивая девушку взглядом.

– Убирайся отсюда, ты, грязный карлик! – раздался внезапно приглушенный голос. – Не думай, что отблеск твоего бинокля нельзя заметить! Я позову полицию и скажу, что ты пытался меня изнасиловать!

– Это не правда! – сказал я с воодушевлением. – Стоит мне подойти к вам, я уже ничего не вижу – у меня запотевают очки!

Ее спина напряглась.

– Что случилось с твоим голосом? Он внезапно стал напоминать мужской?

– Я съел коробку этих пилюль, – сказал я гордо. – Целую коробку за раз. Я сейчас на такое способен, о-о-о!

– Кто бы вы ни были, вы явно не тот слизняк управляющий, – сказала она. – Ведь стоит ему поговорить со мной три минуты, и у него уже мокрые штаны!

– Я не управляющий, это верно, – согласился я. – Я тот самый полицейский, которого вы хотели позвать, если бы я был тем самым управляющим и не убрался бы подобра-поздорову.

Она нашарила под собой завязки лифчика и высвободила концы.

– Завяжите, – коротко сказала она.

– С удовольствием, – сказал я совершенно искренне и, взяв обе тесемки в руки, затянул их, может быть, несколько туго.

– Вы решили меня удавить? – вскрикнула она.

Я несколько ослабил свой захват и крепко перевязал тесемки узлом.

– Сейчас все более или менее прилично, – заверил я ее. – Можете переворачиваться.

– Если вы действительно так считаете, то я немедленно сниму бикини и так пойду, пока не подыщу что-нибудь поудачнее, – сказала она, переворачиваясь с живота на спину и спокойно на меня глядя.

Лифчик, как и бикини, был символом, то есть его практически не было. Грудь у нее была небольшая, но крепкая и высокая, как у девушки-подростка.

– Бьюсь об заклад, что, если бы вы были в очках, они бы у вас сейчас запотели, – с торжеством сказала она.

– А вы не позовете полицейского? – сказал я. – Другого полицейского, не такого впечатлительного, как я?

Ее брови приподнялись, подчеркивая злой блеск карих живых глаз. У нее был приятный вздернутый носик, полные чувственные губы, в чертах лица читались благородство и жестокость одновременно.

Секунду я размышлял, не солнечный ли свет придает ее лицу такое выражение.

Она поднялась на ноги одним скользящим движением и, положив руки на бедра, принялась меня рассматривать.

– Увы, – сказал я, – лейтенант Уилер из управления шерифа. – А вы Камилла Кловис. Правда, я никогда не поверю, что это ваше настоящее имя. Вы, должно быть. Золушка?

– Чем я могу быть вам полезна? – промурлыкала она. – Кроме того, разумеется, чем я полезна быть вам не могу?

– Всего несколько вопросов, – сказал я. – О вас самой и о некоем сверкающем всеми добродетелями субъекте по имени Руди Равель.

– Руди? – Ее глаза на секунду посерьезнели. – С ним ничего не случилось?

– Пока нет, – сказал я с сожалением. – Это случилось с его секретаршей.

– Вы хотите сказать..., что Руди изменял мне со своей секретаршей? – спросила она в шоке.

– Этого я не знаю, – сказал я, – может быть. Я хочу сказать, что ее вчера ночью убили.

– О Господи! – Она с облегчением вздохнула. – Я уж было подумала, что случилось что-то серьезное!

Глава 5

Ее обиталище ничуть не отличалось от других квартир в этом доме. Сам дом был летним, построенным на калифорнийский лад, зимой же отдыхающие отправлялись по своим теплым жилищам наслаждаться комфортом парового отопления.

Квартира Камиллы состояла из гостиной, спальни, кухни и ванны. Полы были из настоящих деревянных досок. Вместо ковров на них лежали вязаные половики.

Мебель была старой, и я могу побиться об заклад, что кофейные чашки были без ручек.

Камилла Кловис открыла стеклянный шкафчик, дверца которого выскочила из стены, как будто за ней прятался частный детектив, специализирующийся по бракоразводным процессам, и принялась смешивать коктейли.

– Моя специальность, – объявила она, – "Поцелуй Дьявола".

– Мне, пожалуйста, шотландское виски и немного содовой, – сказал я поспешно.

– Вы много потеряете, если не попробуете "Поцелуй Дьявола", – сказала она уверенно. – Это мое собственное изобретение.

– Послушайте, – взмолился я, – я старый человек и уважаю старое, хорошее виски. Конечно, многие девушки считают, что...

– Дочерних чувств я не испытываю, – самодовольно сказала она. – Чем старше, тем лучше, лейтенант.

Я люблю людей постарше, их тело и сильные мускулы, и их умение держать язык за зубами.

– Я знаю, – сказал я. – Вот Руди, если бы ему предложили взять на себя футбольную женскую команду, он бы ее взял – всю и без всяких разговоров.

Ее губы беспомощно приоткрылись на секунду, затем она неуверенно хохотнула.

– Ладно, – сказала она. – Ваша взяла, шотландское виски и немного содовой.

Она протянула мне рюмку, и я уселся на кушетку.

Камилла опустилась рядом. В ее стакане плескалась какая-то отвратительного цвета жидкость.

– Это и есть "Поцелуй Дьявола"? – спросил я изумленно.

– Конечно, – сказала она с гордостью. – Водка, ямайский ром, молоко.

– Молоко?!

– Ну конечно, – сказала она. – Это же витамины.

Я быстро отхлебнул виски, посмотрел на нее и встретил полный невинности взгляд больших карих глаз.

– Так что там насчет Руди? – спросила она наконец.

– Когда вы его в последний раз видели?

– Вчера вечером.

– В котором часу он пришел?

– Около одиннадцати, – сказала она, – а в чем дело?

– Когда он ушел?

– Примерно в половине первого.

– Вы уверены в этом?

– Конечно, уверена, – весело сказала она.

– Руди звонил вам, чтобы быть уверенным, что вы уверены?

– С чего вы взяли, лейтенант? – невинно спросила она.

– Я уже девять лет как полицейский, – сообщил я ей. – У меня были свои разочарования.

– Вы думаете, ее убил Руди? – Она покачала головой. – Зачем? Даже если что-нибудь было бы не в порядке, он мог ее в любой момент уволить.

– Тоже верно, – сказал я. – Хорошо было в Париже?

– В Париже?

– Может быть, это был Париж. Или Кентукки? – терпеливо продолжал я. – Или Иллинойс?

– В Париже было хорошо, – сказала она, – пока там был Руди.

– Вы так им увлечены? – спросил я. – Вы его любите?

– Он будит во мне материнский инстинкт. – Она кокетливо улыбнулась, отнюдь не материнской улыбкой. – Он просто взрослое дитя.

Она поднялась с кушетки и потянулась, закинув руки за голову. Бикини подозрительно затрещали.

– Вы тоже будите во мне инстинкты, лейтенант, – сказала она. – Вы какой-то такой земной.

– В моем роду масса потомственных крестьян, – заявил я.

– Можете этого не доказывать, лейтенант, – сказала она. – Верю вам на слово.

Она лениво отвернулась, предоставляя любоваться своей спиной.

– Развяжите, пожалуйста, этот морской узел на моем лифчике, крестьянин, – сказала она. – Я пойду приму душ.

– Черт! – сказал я, развязывая ей лифчик. – Никогда раньше не думал, что я настолько земной!

Она уронила лифчик на кушетку, затем одним легким движением выскользнула из бикини.

– Можете выпить, пока меня не будет, – сказала она совершенно спокойно, поворачиваясь ко мне спиной. – Кстати, вас еще как-нибудь зовут, лейтенант, кроме как Крестьянин?

– Эл, – признался я. – Эл Крестьянин. Хочешь, я буду называть тебя Золушкой?

– Но Камилла – это мое настоящее имя, – сказала она почти умоляюще.

– Придется поверить, – вздохнул я, – что это голая правда!

Она прошла через всю комнату к ванной, слегка покачивая на ходу крепкими бедрами.

Я поднялся с кушетки и налил себе еще виски. Я не очень далеко продвинулся в своем расследовании, но как однажды сказала близняшка мужу своей сестры: "Нельзя же иметь все сразу".

Я отпил немного виски и напомнил себе, что именно в такие минуты я больше всего люблю копаться в себе. Когда секс поднимает свою маленькую головку, я сразу же забываю о том, что я полицейский. Вся беда в том, сказал я себе строго, что мне не хватает образования.

Я вспомнил Билла Брэди, с которым работал в полиции три года тому назад. Билл был образованным полицейским. Однажды ночью он обнаружил, что в одном из складов скрываются братья Манчини, укравшие неделю назад из армии ручной лазер, которым они не преминули бы при случае воспользоваться.

Сначала, как всякий нормальный полицейский, он вернулся к своей машине и вызвал к себе ребят по радио. Но затем, вместо того чтобы дожидаться подкрепления, как сделал бы всякий нормальный полицейский, он решил взять братьев Манчини на испуг и, ворвавшись на склад, приказал им выходить по одному с поднятыми руками.

Ему устроили торжественные похороны, а на надгробной плите выгравировали: "Образованный полицейский".

Поэтому каждый раз, когда я думаю о своей неучености, я вспоминаю Билла Брэди, и мне сразу же становится легче. Для всякого полицейского существует

предел, до которого он может прийти, – разумеется, по службе.

Я допил виски и, чтобы не чувствовать себя так одиноко, налил еще. Звук льющейся воды внезапно прекратился, и минутой позже из ванной появилась Камилла.

С нее текло: на естественном деревянном полу оставались естественные мокрые следы. Она швырнула в меня полотенцем, и я не очень ловко его поймал.

– Вытри меня, Эл, – сказала она. – Тебе очень холодно, да?

– Холодно? – прошептал я.

– Ты все еще одет, – сказала она нетерпеливо. На секунду она вдруг замерла с выражением ужаса на лице. – Ты, случайно, не импотент? – спросила она с подозрением. – Или, может быть, ты из тех, что кончают, глядя в бинокль? Или тебя стихи возбуждают?

– Вот только еще одной Прекрасной бессердечной дамы мне и не хватало, – пробормотал я.

– Что-то вроде

И перед тем как полюбить,
Она дрожала, как листок.

Нравится, Эл?

– Нравится, – кивнул я. – Руди рассказал тебе о письмах?

– О каких письмах? – спросила она с раздражением. – И оставь Руди в покое.

Она направилась ко мне твердыми шагами.

– Ты очень обидишься, если я промочу твой костюм?

Я принял обычные меры предосторожности, чтобы не замочить костюм: я его снял. Затем я завернул ее в полотенце и мягко опустил на кушетку.

Она крепко обняла меня руками и потянула к себе.

В какую-то секунду она была сухая, как штат Техас.

– Эл, – счастливо пробормотала она, перестав терзать мое ухо. – Ты изумителен, земной Эл Крестьянин!

– Не называй меня так, Золушка, – прошептал я, – или я тебя укушу, вот так!

Я опять вошел в контору без стука, но на сей раз бинокля в поле зрения не

было.

Он глядел на меня сверкающими мрачными глазами, и взгляд этот сам по себе был достаточно грозный.

– Вы нашли мисс Кловис? – сказал он с бешенством в голосе, и, пока говорил, его очки успели запотеть.

Я уселся на край стола и закурил сигарету.

– Вы мне не нравитесь, – сказал я ему откровенно. – Вы паршивый карлик с биноклем!

– Как вы смеете! – Он возмущенно вскочил на ноги, но ворвавшийся на визг голос испортил весь эффект.

– На вас поступила жалоба, – сказал я холодным тоном, каким должен говорить каждый непреклонный полицейский.

– Жалоба? – Голос поднялся на октаву выше, почти перестав быть слышным для уха человека.

– Управление шерифа, – сказал я и кинул перед ним на стол свое удостоверение. – Подсматривать – беда невелика, огласка – вот что страшно.

– Подсматривать? – Он сглотнул.

– Газеты подхватят такой материал, – сказал я. – Женщины ненавидят грязных недоносков, готовых прятаться за каждым кустом, лишь бы подсмотреть, как они раздеваются на ночь.

– Лейтенант! – Он изо всех сил дернул за мочку уха. – Лейтенант. Вы ошибаетесь!

– Я не ошибаюсь, – сказал я презрительно. – Вы думаете, я не узнаю подонка, глядя на него? И этот бинокль...

– Пожалуйста, – сказал он в отчаянии. – Я никому не хотел плохого.., просто вы не понимаете... Я так одинок! – Он разрыдался.

– Оправдываться будете перед судом, – сказал я решительно. – Для меня вы просто ничтожество.

Он изо всех сил дергал себя за ухо, но это наказание он счел недостаточным и, вытащив из ящика стола перьевую ручку, стал тыкать острым концом в тыльную сторону ладони.

– Лейтенант, – его голос задрожал, – простите меня!

Я буду счастлив.., счастлив.., помочь... – В горле у него заклокотало, он выхватил носовой платок и оглушительно высморкался.

– Вы пытаетесь меня подкупить? – спросил я медленно.

Его голова внезапно дернулась.

– Нет, нет, нет, лейтенант!

– Негодяй! – сказал я, с трудом сдерживая смех, делая вид, что обдумываю его предложение. – Хотя...

Перо замерло на полдороге к перепачканной чернилами руке.

– Хотя..., лейтенант, хотя, – с болью в голосе сказал он.

– Мы можем заключить договор, – сказал я. – Вы ответите мне на кое-какие вопросы, а я забуду о том, что вы подсматривали.

– Да! Да! – Его голова замоталась сверху вниз. – Все, все, что угодно.

– Эта Кловис, – сказал я. – Вы подглядывали за ней с самого первого дня?

– Нет, – простонал он, – не правда...

– Заткнитесь! – сказал я холодно. – Еще одна ложь, и я забуду о том, что мы договорились. Вы за ней подглядывали, и я хочу знать, что вы видели.

Его рот приоткрылся.

– Отвечайте на вопросы, – рявкнул я, – и считайте, что вы счастливо отделались. Но если посмеете мне хоть раз солгать, тогда пеняйте на себя, ясно?

– Да, сэр, – сказал он быстро, – я все понял, понял...

– Давно она здесь живет?

– Девять недель, лейтенант. В моей книге есть точная дата, если вы хотите...

– Не важно, – сказал я. – Кто платит ренту?

– Ренту?

– Сделайте вид, что вы не поняли, и я вышибу вам мозги вашим собственным биноклем. Кто платит ренту?

– Конечно, мисс Кловис.

– Чем?

Его лицо передернулось.

– Деньгами, лейтенант. Чем же еще?

– Наличными или чеками?

– Наличными, всегда наличными, – сказал он. – Регулярно, первого числа каждого месяца и, конечно, вперед.

– Чем она занимается целый день? Она ведь не работает?

– Нет, не работает. Она почти все время загорает у бассейна.

При этом воспоминании его водянистые глаза на секунду блеснули.

– Иногда она уходит по вечерам. Однажды она уехала на весь уик-энд, с субботы до утра понедельника.

– Она встречается только с одним мужчиной?

– Да, – уверенно сказал он. – С одним и тем же, лейтенант. Я не знаю, как его зовут, но он красивый мужчина, высокий, да, с черными волосами и маленькими усиками. Иногда мне кажется, что его лицо чем-то очень знакомо мне, но я не могу вспомнить, где я его видел.

– На уик-энд она тоже уезжала с ним?

– Да, с ним. Он, ох, приходит к ней по вечерам. Да, по вечерам.

– А вы не боитесь, что в тех кустах у нее под окном вас когда-нибудь скрутит радикулит или начнутся судороги? – спросил я.

Он нахмурился и осторожно посмотрел поверх моей головы.

– Что вы еще хотите знать, лейтенант? – спросил он.

– Он был здесь вчера вечером?

– Да. Я видел его машину, спортивной модели, около половины одиннадцатого.

– Когда он ушел?

– После одиннадцати, лейтенант! Я не знаю точно, но раньше, чем в половине двенадцатого. К тому времени мисс Кловис уже была в постели.

– Понятно, – сказал я. – Так у нее больше нет никого?

– Нет, – сказал он с сожалением.

– Плохо, – сказал я. – Что-нибудь можете мне еще рассказать о мисс Кловис?

– Больше ничего, лейтенант.

Он с опаской посмотрел на меня.

– Хорошо, – кивнул я.

– Вы сдержите свое слово? – спросил он взволнованно.

– Да, – сказал я. – Но если будет еще жалоба...

– Никогда! – быстро проговорил он.

– Вам пора переходить к практическим занятиям, уважаемый. Немного тренировки – и все получится. – Я осекся: в его глазах было неподдельное отчаяние, и я понял, как сложно жить в собственном мире фантазий, когда бинокль или чье-то освещенное окно с незадернутыми шторами – единственная дверца в реальную жизнь. Прекрасные женщины, спортивные машины, толпы друзей – всем этим он обладал лишь в своем воображении.

– У вас есть подруга? – спросил я.

– У меня есть только я, – прошептал он. – И наказания страшнее даже вы не сможете для меня придумать.

Глава 6

Когда я остановил свой "остин-хили" у управления шерифа, было половина второго дня. Сначала я решил перекусить, рассудив, что лишние полчаса уже никакой роли не сыграют, злее чем сейчас, шериф все равно не будет. Поэтому отправился в закусочную за углом и выпил чашечку кофе с сэндвичем.

Гордость Юга сидела за своим столом, с преданным восхищением рассматривая открытку с автографом Роберта Редфорда.

– Привет, Аннабел, – сказал я. – Как шериф?

Аннабел Джексон не отрываясь глядела на фотокарточку.

– Только не проси, чтобы я смотрела на тебя, Эл, пожалуйста, – рассеянно сказала она. – Этого сравнения я не переживу!

– Что ты нашла в нем такого, чего нет у меня, – спросил я оскорбленным тоном.

– Задай вопрос по-другому, и мне не придется отвечать.

– Ох, уж эта святая невинность, – сказал я ей. – Я так и вижу тебя в белом платье, с большой шляпой в руках и улыбкой на губах, а сзади осыпаются, умирая, листья магнолии.

Она даже не слышала меня, витая в облаках вместе со своим Редфордом.

– Добро пожаловать в родные края, Уилер! – прогудел в мое ухо сердечный голос. – И как вам понравился Нью-Йорк?

Я повернулся и тупо уставился на широкую улыбку Лейверса.

– О, простите, – сказал он задумчиво. – Виноват, но я исправлю свою ошибку. Как вам понравилось в Майами?

– Шериф, – сказал я затравленным голосом, – вы издеваетесь надо мной?

– Ну что вы, – сказал он. – Я послал вас расследовать это убийство вчера в двенадцать ночи, а вы вернулись, – он взглянул на часы, – ровно через четырнадцать часов и восемь минут. Должны же вы были где-то провести все это время, может, в Тихуане, а?

– Я занимался расследованием, – сказал я, – в точности, как вы приказали.

Лицо Лейверса налилось кровью и приобрело знакомое выражение "сейчас ты у меня попляшешь!".

– Уилер! – заорал он. – Недисциплинированный, Лживый, ленивый, глупый, слабоумный...

– Лейтенант? – с надеждой спросил я.

– Вы что-нибудь узнали? – спросил он, тоже с надеждой. – Нашли убийцу или неопровержимые доказательства?

– Нет, – сказал я с сожалением. – А что у вас?

– У Полника хватило ума донести эти письма до управления, – ответил он. – Они все напечатаны на одной машинке. И машинка эта принадлежала Барбаре Арнольд.

– Как насчет отпечатков пальцев? – спросил я.

– Только Джуди Мэннерс и ваши, – сказал он. – Правда, очень много смазанных.

– Этот Джонни Кей, о котором говорится в одном из писем, – объяснил я, – был женихом Джуди. Она говорит, что его убили в Корее, но...

– Я уже допросил ее сегодня утром, – прервал меня Лейверс, – и навел справки в авиационных частях. Джон Кей действительно погиб: есть шесть свидетелей того, как его самолет взорвался в воздухе.

– Что ж, одним подозреваемым меньше, – сказал я.

Лейверс зажег сигару и тут же принялся яростно ее жевать.

– Когда я переводил вас из отдела убийств в свое управление, я думал, что вы будете работать на меня, Уилер.

– А я чем занимаюсь?! – удивился я.

– Тогда расскажите мне о работе, которую вы проделали для меня со вчерашнего вечера, – резко сказал он.

Я коротко перечислил ему все события, относившиеся к делу, за исключением своих опытов с полотенцем, чтобы не отвлекать его от сути. Когда я закончил, он кашлянул.

– И что вы обо всем этом думаете?

– Письма были отпечатаны на машинке, находящейся в доме. Может быть, их напечатала Барбара Арнольд.

Если это так, то ее могла убить Джуди Мэннерс, используя письма как алиби.

– А следы, которые Полник обнаружил у бассейна?

– Их тоже могла оставить Джуди. А может быть, и нет. Но если письма и следы настоящие, я думаю, нам следует охранять Джуди Мэннерс.

– Уже сделано, – коротко сказал Лейверс. – Полник торчит там с восьми утра. Равель и миссис Мэннерс согласились, чтобы он пока пожил у них.

– Первый солнечный день в жизни Полника с тех пор, как он познакомился со своей женой, – сказал я.

– Заключение Мэрфи после аутопсии уже готово, – сказал шериф, игнорируя мои теплые чувства к Полнику. – Мэрфи говорит, что ничего нового для вас там нет.

Такой нож можно купить за три доллара в любой лавке.

Отпечатков пальцев, конечно, не нашли.

– Шеф, мы не полиция, а рекламное бюро: никаких фактов, одни эмоции.

– Вы можете вылететь из этого рекламного бюро в две секунды, Уилер, – угрюмо напомнил Лейверс.

– Я бы не отказался попутешествовать, – нашелся я. – Например, в Окридж. Доберусь туда часа через три-четыре... – Заметив грозное выражение лица шерифа, я быстро добавил:

– Вернусь утром. Надо же в конце концов проверить эти имена, упомянутые в письмах, а то мы даже не знаем, с чего начать.

– Можно телеграфировать местной полиции, – буркнул Лейверс.

– Джуди Мэннерс сказала, что Окридж – плохонький городок на краю пустыни, – сказал я. – Местная полиция, я думаю, не лучше. Нет уж, я предпочитаю поехать сам, шериф. Так будет надежнее и быстрее.

Он выпустил облако зловеще-черного дыма.

– Я ничего не сообщал в газеты, – сказал он. – И ваше счастье, что Равель и миссис Мэннерс согласились держать язык за зубами. Стоит этой истории получить огласку, как нам придется туго. Вы должны поймать преступника, Уилер, и сделать это как можно быстрее.

– Да, сэр, – сказал я покорно.

– Хорошо. Поезжайте в Окридж, если вы считаете, что так лучше. Но если завтра к девяти утра вы не будете в моем кабинете...

– Можете не продолжать; сэр, – вежливо остановил его я. – И спасибо.

Я совершенно не обязан был докладывать, что собираюсь вернуться в Пайн-Сити еще сегодня вечером.

В полночь у меня было назначено свидание с Камиллой, и теперь, когда Полник охранял дом на Парадиз-Бич, я мог не опасаться, что Равелю удастся оттуда вырваться. Есть все-таки справедливость на свете.

Я проехал два квартала, заполнил бак своего "остина" бензином и отправился в Окридж. Далекий путь, если учесть, что мне всего-навсего нужно было осмотреть кладбище.

Последние десять миль перед Окриджем я уже ничего не замечал, кроме пылающего ярко-синего неба и желтой пыльной дороги впереди. Железнодорожные пути, тянущиеся вдоль дороги, стали для меня такой же привычной частью пустыни, как полынь или кактусы. Затем я увидел доску с надписью "Окридж" и знак, запрещающий движение со скоростью более 35 миль в час, и внезапно очутился на главной улице.

Сверкающие рельсы проходили через весь городок, безразличные ко всему на свете, и выползали из него с другой стороны. У тротуара стояло несколько автомобилей, очевидно не покидавших своего места еще с 1935 года.

На мотеле обнадеживающе горела надпись: "Есть свободные номера". Напротив находились забегаловка и несколько лавок, давно уже, очевидно, прекративших всякие попытки вести какие-либо дела. Я понял, как великодушна была Джуди, назвав этот город конечной остановкой перед пустыней. Ни один уважающий себя поезд не остановился бы здесь дважды.

Я припарковал свой автомобиль позади забегаловки и вошел внутрь. Пот бежал у меня по лицу и стекал за воротник рубашки, которая промокла еще несколько часов назад. Внутри столовой было уютно и чисто, градусов на десять прохладнее, чем на улице, благодаря кондиционерам. Я с жадностью стал глотать ледяную воду, заказал кофе и яйца вкрутую. К тому времени, как я насытился и закурил сигарету, я решил, что снова смогу рискнуть выйти наружу. Когда официантка услышала, что я хочу посетить кладбище, ее лицо просветлело.

– Вам нужно свернуть направо, миновать мотель, а затем проехать два квартала вперед, – сказала она. – Заблудиться невозможно. Это такое красивое место! Старый Коулмен целыми днями ухаживает за могилами, и там действительно чудесно! Я сел в машину и медленно поехал мимо мотеля, глядя на бассейн, в котором вместо воды лежал слой песка. Затем свернул направо и проехал два квартала. Официантка мне не соврала: это кладбище было как оазис в пустыне. Изумрудная свежая трава, безупречная по своей чистоте, выглядела так, будто ее только что импортировали из загородного дома на Беверли-Хиллз.

Выбираясь из машины, я слышал звук льющейся из шланга воды.

Открыв маленькую свежевыкрашенную калитку, я вошел на территорию кладбища. Каждая могила, каждый надгробный памятник носил на себе следы тщательного ухода.

Через пять минут чтения могильных надписей я очутился у могилы "Элиас Фрай, род. 1861, ум. 1923. Покойся в мире". Немного дальше находился мраморный памятник в виде ангела. Крылья его сверкали на солнце. Надпись была следующая: "ЗДЕСЬ ПОКОИТСЯ ПИРЛ КОУЛМЕН, ПОКИНУВШАЯ НАС НА СЕМНАДЦАТОМ ГОДУ ЖИЗНИ". Внизу, буквами помельче, шла надпись:

"Бог дал, Бог и взял". Последняя строчка была раза в два больше предыдущей и поэтому выделялась: "МЕСТЬ ПРИНАДЛЕЖИТ МНЕ", – СКАЗАЛ ГОСПОДЬ".

Отступив на несколько шагов, я закурил сигарету. Щурясь от солнечных бликов, скользивших по полированной поверхности мраморных плит, я перечитал надпись, но все равно ничего не понял. Последняя строчка звучала явным диссонансом.

– Мы не любим, когда на кладбище курят, незнакомец, – раздался позади меня спокойный голос.

Я обернулся и увидел рядом с собой старика, глядевшего прямо на меня. Ему было лет семьдесят, но его спина была прямой, а бледно-голубые глаза сурово смотрели на меня с сожженного загара лица. Он был без шляпы, в потертых джинсах, на плечи поверх голубой хлопчатобумажной рубашки был накинут плед. Пряди седых волос были плотно зачесаны назад, придавая ему почти библейский вид.

– Простите, – сказал я, бросил сигарету и затоптал ее.

Он одобрительно кивнул.

– У вас здесь кто-нибудь похоронен?

– Нет, – сказал я. – Просто это место показалось мне с дороги таким красивым, что я остановился на минутку.

– Я присматриваю за кладбищем, – сказал он. – С тех пор как у меня умерла дочь, это моя единственная забота. Жена похоронена в северном углу. – Он указал рукой направление.

– Вы мистер Коулмен? – спросил я. – Официантка в столовой сказала мне, что вы присматриваете за кладбищем.

– Никто не называл меня мистером уже лет десять, – усмехнулся он. – Старый Коулмен – так меня все зовут. Некоторые считают, что я свихнулся. Может, они и правы.

– Ваша дочь Пирл похоронена здесь? – Я кивнул в сторону мраморных крыльев.

– Да, моя девочка, – сказал он. – Красивый мрамор, правда? Мне кажется, что

Пирл он бы понравился. Она так любила красивые вещи.

– Очень красивый памятник, – сказал я вежливо. – Меня только удивляет надпись – последняя строчка как-то не вяжется с остальными.

– Так и должно быть! – упрямо сказал он. – Так и должно быть, молодой человек! Месть принадлежит мне, сказал Господь, и так оно будет! Я ждал ее восемь лет и, если понадобится, буду ждать еще столько же!

Мое время отправляться на тот свет не придет, пока добрый Господь не отдаст мне того, что принадлежит мне по праву!

– Месть? – переспросил я. – Кому?

Его лицо приобрело прежнее суровое выражение.

– Это вас не касается, – холодно сказал он.

– Конечно нет, – сказал я. – А вы бы могли мне помочь в другом деле? Я ищу девушку по имени Шейн.

Сандра Шейн.

– Я слышал, она работала у Луи Робертса, – сказал старик неуверенно. – Он владелец бара здесь, в городе.

Не такой уж хороший бар, но другого у нас нет. Да я почти и не пью с тех пор, как умерла Пирл.

– Попытаюсь разузнать о ней там, – сказал я. – Спасибо.

– Мы с Пирл благодарны вам за внимание, – сказал он торжественно.

Я минуту колебался.

– Этот пустой участок за могилой вашей дочери, он что, зарезервирован?

– Почему вы спрашиваете?

– Просто любопытно, – сказал я. – Можно ли заранее договориться о месте на кладбище или хоронят на том участке, который свободен?

– Это место занято, – сказал он низким голосом. – Занято.., для одной из дочерей самого Дьявола! Для накрашенной шлюхи с черным сердцем, которая отняла у меня мою девочку раньше срока!

– Джуди Мэннерс? – спросил я.

– Вы знаете? – Его голос стал грубым, уродливым. – Она послала вас сюда посмеяться и поиздеваться надо мной! Так можете передать ей, что ее время близко – месть придет с Небес: громом и огнем!

– Я передам ей, – сказал я, устало усмехаясь.

– Убирайтесь! – Он драматично вытянул руку по направлению к низкому забору. – Вы жалкий земляной червь! Убирайтесь, пока гнев Небес...

Но я уже ушел не дослушав.

Я опять устроился в своем "остине", завел мотор и бросил последний взгляд на кладбище. Старый Коулмен стоял неподвижно. Его рука, все еще вытянутая вперед, указывала прямо на меня. Солнце сияло за его головой, и образовавшийся нимб завершал его сходство с персонажем из Библии.

По моей спине пробежали ледяные мурашки, и я нажал на стартер техники двадцатого века, которая унесла меня опять на главную улицу.

Тремя минутами позже я входил в бар. В одном старый Коулмен был прав – заведение это было не из лучших.

Толстый мужчина с веселой улыбкой на губах подошел ко мне, вытирая губы о передник.

– Вам что? – одобряюще спросил он.

– Шотландское виски, немного содовой, – сказал я. – И пожалуй, кружку пива.

– Обязательно. – Он кивнул. – Вы здесь проездом или по делу?

– Вы Луи Робертс? – спросил я.

Он кивнул:

– Чем могу?..

– Мое имя Уилер. – Я протянул ему свое удостоверение.

– Далеко вы забрались из Пайн-Сити, лейтенант, – усмехнулся он. – Так чем я могу быть вам полезен?

– Я ищу одну девушку, – сказал я, – Сандру Шейн.

Старый Коулмен сказал, что она работает у вас.

– Вы с ним уже познакомились? – ухмыльнулся Робертс. – Он у нас нечто вроде местной достопримечательности.

– Можете меня в этом не убеждать, – сказал я. – Так что насчет Шейн?

– У нее какие-нибудь неприятности?

Я покачал головой:

– Просто одна свидетельница в Пайн-Сити говорит, что Шейн может удостоверить ее личность.

Он поставил передо мной виски и пиво.

– Очень жаль, но я ничем не могу вам помочь, лейтенант, – сказал он.

– Разве она у вас не работает?

– Старый Коулмен окончательно потерял счет дням.

Совсем уже ничего не знает, кроме своих могил. Сандра ушла от меня недель восемь-девять назад. Решила, что в Окридже ей не место. Да и приехала она к нам из Лос-Анджелеса, прожила здесь всего несколько месяцев.

– Вы не знаете, где можно ее найти?

– Нет, сэр. Думаю, она опять вернулась в Лос-Анджелес. Сандра никогда не говорила, куда отправляется.

Просто собралась и уехала, и я ее не упрекаю за это.

Конечно, в Окридже такой хорошенькой девушке делать нечего.

– Значит, зря я потащился в такую даль, – сказал я.

– Ну, почему же, вы ведь выпили виски!

– Правда. Кстати, вы не хотите составить мне компанию?

– Это мысль, – обрадовался Робертс. – Спасибо, лейтенант. Я люблю виски с пивом, – добавил он.

Я подождал, пока он нальет себе, и поднял свою рюмку:

– За Окридж, что бы ни случилось!

– Пьем. – Он кивнул. – Может, нам действительно когда-нибудь повезет и песчаная буря сотрет этот город с лица земли! – Он одним глотком осушил рюмку и, вздохнув, взялся за кружку с пивом.

– Джуди Мэннерс родилась здесь? – спросил я.

– Вы ее знаете? Она здесь родилась и выросла, – сказал он. – Она приезжала к нам всего три месяца назад вместе с этим своим знаменитым мужем. Они целый день околачивались в городе. Как она сказала, ее одолели сентиментальные воспоминания юности. Ей хотелось осмотреть родные места, но что-то уж очень быстро она с этим справилась! – Он рассмеялся. – И тут же укатила обратно в Лос-Анджелес. На кладбище она тоже не пошла!

Я отпил еще немного пива.

– Я упомянул о Джуди этому старику на кладбище, – – сказал я нерешительно, – так он меня чуть не вышвырнул вон!

– Да. – Робертс понимающе кивнул. – У старого Коулмена не все дома. Знаете,

как это произошло? Дочь была для него всем, и, когда она погибла, он немного свихнулся, да таким, по-моему, и остался. Он считает, что во всем виновата Джуди, но это не правда. Пирл была ее лучшей подругой.

– Так Почему же старый Коулмен ополчился на Джуди?

Робертс допил пиво и разочарованно уставился на пустую кружку. Я быстро утешил его, заказав еще пива и два виски.

– Они были еще совсем детьми, – начал он. – Всего лет по шестнадцать, когда это случилось. Они всюду ходили вместе. Красивые были девушки. Смешно. Они обе могли заполучить любого парня в Окридже, так нет же. Обеим приглянулся Джонни Кей. Джонни был приятный мальчик, но он никому не отдавал предпочтения: сегодня с одной, завтра с другой, и никогда не ходил с одной и той же два вечера подряд... Вы меня слушаете, лейтенант?

– Я весь превратился в слух, – вежливо сказал я.

– Бедный Джонни Кей, – вздохнул Робертс, – поступил потом в авиацию и был убит во Вьетнаме.

– Так что же случилось с Пирл Коулмен?

Я попытался удержать на своем лице вежливую улыбку не очень заинтересованного слушателя.

– Пирл? Да я как раз собирался вам рассказать.

В этот день..., когда же это было?... Да, в субботу обе они отправились на пикник на ферму Сэта Джонса, это милях в пятнадцати от города. Отправились верхом – обе были прекрасные наездницы. Никто ни о чем не беспокоился, но потом стало темнеть, а их все не было.

Старый Коулмен позвонил на ферму. Сэт сказал ему, что девушки уже уехали домой часа три тому назад. Им давно пора было уже вернуться, и старый Коулмен понял, что с ними что-то случилось!

– Предчувствие, – вставил я.

– Что?

– Да, нет, не важно. И чем все это закончилось?

– Не торопите меня, лейтенант, – сказал он. – У меня от всех этих разговоров пересохло в горле.

– Почему бы вам в таком случае не выпить еще? – проворчал я.

– Как любезно с вашей стороны, лейтенант, благодарю, – сказал он. – Как бы то ни было, мужчины отправились на поиски. Сначала они нашли лошадей, бредущих по дороге в город. Несколькими милями дальше они нашли Джуди. Вся одежда на ней была разорвана и выпачкана в крови. Из-за истерики от нее сначала толком ничего не могли добиться. Затем нашли Пирл, с ней тоже было

не все в порядке, но еще хуже, чем с Джуди, – она была мертва. Затылок ее был раздроблен камнем. Когда удалось успокоить Джуди, она рассказала, что произошло. Они сошли с лошадей немного передохнуть, когда неизвестно откуда появился высокий парень. В руке у него была бутылка, и Джуди говорила, что он не местный. Он накинулся на них молча, сначала на Джуди. Она боролась с ним, расцарапала все лицо и, когда он от боли откатился в сторону, вскочила и убежала. Затем он, наверное, принялся за Пирл, потому что Джуди слышала ее крики, но к тому времени у нее началась истерика, и от страха она бежала не разбирая дороги и не могла остановиться. Судя по тому, что ногти Пирл были в крови, бродяге от нее тоже досталось. Как бы то ни было, парень, наверное, разозлился, схватил камень и ударил ее. Может, он и не думал ее убивать, кто знает?

– Его поймали? – спросил я.

Он покачал головой:

– Джуди очень точно его описала, и парня искали больше трех недель, но он, должно быть, родился под счастливой звездой. Его не нашли. С того дня старый Коулмен и винит Джуди в смерти своей дочери неизвестно почему. Может, потому, что она не пришла ей на помощь и продолжала бежать? Но за это, я думаю, винить нельзя.

– Я тоже так думаю, – сказал я.

Он внезапно хохотнул:

– Смешно, лейтенант. После того как все это произошло, Джонни Кей ни разу даже не взглянул в сторону Джуди. Оказалось, что он любил все время одну лишь Сандру Шейн, а этих девочек таскал за собой как прикрытие. Отец Сандры терпеть не мог Джонни и не подпустил бы его к своему дому на пушечный выстрел, если бы только узнал про него и Сандру. Но Джонни обвел его вокруг пальца, и отец Сандры был уверен, что он увлечен только теми двумя.

– Какой действительно тихий городок, – сказал я. – Здесь, случайно, никого не линчевали?

– Ну, это могло произойти везде, – сказал он извиняющимся тоном. – Джуди уехала из Окриджа примерно через месяц после этих событий, а Джонни ушел в армию и перед этим заявился к отцу Сандры, выложил ему все начистоту и сказал, что все равно женится на девчонке, когда вернется. Старый Шейн умер примерно через год после того, как Джонни отправили во Вьетнам.

Обратно парень, разумеется, не вернулся.

– Не думаю, что он потерял слишком много, – сказал я. – Ладно, сколько с меня?

Он медленно считал вслух, прибавляя и выпитое им пиво. Я расплатился и вышел из бара на улицу. Солнце село за горизонт, и холодный ветер сдувал с асфальта пыль. Где-то в пустыне раздался низкий похоронный гудок проходившего товарного поезда. Я заполнил бак "остина" бензином у колонки рядом со столовой и вновь выехал на главную улицу.

На вывеске мотеля все еще горели кроваво-красные буквы: "Есть свободные номера". Я вспомнил замечание Луи Робертса о том, что этому городку не хватает хорошей песчаной бури, и мысленно с ним согласился.

Глава 7

Я въехал во двор "Дневной мечты" и выключил мотор.

Было половина первого ночи, и на свидание я безнадежно опоздал. Можно было, конечно, и успеть, но пришлось заехать домой – переодеться и принять душ, чтобы хоть немного избавиться от запахов Окриджа, преследовавших меня всю дорогу.

Дверь с табличкой "Управляющий" была плотно прикрыта. Я по дороге подергал ручку – заперто. В окнах – ни огонька. Похоже, коротышка и правда перешел к практическим занятиям, решил я.

В квартире 5-А свет был. Я осторожно постучал, и почти сразу же дверь открылась.

– Ты опоздал! – холодно сказала Камилла.

– Как бестактно с твоей стороны было заметить это, – сказал я, – но не извиняйся, не надо. Я тебя прощаю.

Я быстро шагнул в комнату, пока она не успела захлопнуть дверь перед моим носом.

– Ты!.. Ты!.. – Она в бешенстве глядела на меня, но никак не могла найти подходящее слово. Я окинул ее взглядом.

Ее волосы были собраны сзади в конский хвост, перехваченный голубой лентой. Одета она была в свободное платье того же цвета с круглым воротничком и ужасно широкими рукавами, перевязанными у запястий.

Само платье было тоже широким и сидело на ней пузырем. Очевидно, за нехваткой материала то, что затратили на ширину, было сэкономлено на длине.

Это платье кончалось ровно четырем дюймами ниже бедер. Я решил напрячь зрение и посмотреть сквозь него.

После непродолжительного осмотра я пришел к выводу, что под платьем ровным счетом ничего нет.

– Ты!.. – Она все еще отчаянно подыскивала нужное слово.

– Опоздавший, – с надеждой предложил я.

– Я найду для тебя подходящее слово! – выкрикнула она. – Нет! Я вообще не собираюсь тратить на тебя слова, Эл Уилер!

– Ну же, Золушка! – запротестовал я. – Что с тобой?

Еще только сегодня утром я был Крестьянином.

Она честно старалась не расхохотаться, и на какую-то минуту я решил, что у нее начались судороги, но в конце концов она не выдержала.

– Это нечестно! – рассмеялась она. – Я не могу сердиться, когда ты меня так называешь!

Я подошел к стенному шкафчику и налил шотландского виски себе и варварский "Поцелуй Дьявола" – Камилле.

– Как твоё расследование? – спросила она, вдоволь насмеявшись.

– Хорошо, – сказал я.

– Ты его поймал?

– Мы знаем, кто это, – сказал я. – Но у нас недостаточно улик. Придется подождать, пока он не ухлопает еще кого-нибудь, и поймать его на месте преступления.

– Я серьезно, – она скорчила гримасу, – ты его нашел, Эл?

– Даже не знаю, он это или она!

– Ну вот! А я так настроилась на сенсационный вечер! Предвкушала твой рассказ о том, как ты поймал преступника голыми руками, а он тебя чуть не убил.

– Оставим это до завтра, – сказал я. – Или до следующей недели. Или до следующего месяца. Мы всегда находим убийцу, если он к тому времени не успеет умереть от старости.

– Я осторожно поставил рюмки на пол перед кушеткой, откинулся назад и усадил Камиллу к себе на колени. Она наклонилась, подняла рюмки, отдала мне мою и заерзала, устраиваясь поудобнее.

– Я рада, что ты пришел, – сказала она. – Хотя ты ужасно опоздал и был ужасно груб.

– Давай выпьем, – с энтузиазмом сказал я, – за это сумасшедшее платье, которое на тебе. Я раньше думал всегда, что женщина красит платье, а не платье женщину, но теперь убедился в обратном.

– С ним следует носить бикини, – сказала она скромно. – Но я знаю, что ты вечно путаешься в этих завязках.

– Ты понятливая девушка, Золушка, – сказал я о теплотой в голосе, и Камилла захихикала.

– Эл, – она вдруг снова посерьезнела, – ты говорил о чем-нибудь с

управляющим, когда уходил сегодня утром?

– Так, перебросился парой слов, – осторожно сказал я. – А в чем дело?

– С ним что-то случилось, – сказала она. – Я весь день загорала, а он даже ни разу не посмотрел на меня в этот свой бинокль. А когда он теперь проходит мимо, то отворачивается. Раньше он просто раздевал меня глазами.

– Я просто мимоходом заметил ему, – неопределенно пробормотал я, – что это смущает тебя.

– Меня? – Она звонко расхохоталась. – Ты шутишь?

– Конечно шучу, – сказал я. – Ты можешь растерять всю одежду на Пятой авеню в Нью-Йорке и то не смутишься.

Я допил виски и поставил пустую рюмку на пол.

– Налить еще?

– Я думаю о другом, – честно признался я, – Ночь длинна, любимый, – сказала она. – Мы еще успеем выпить, тем более что мне хочется.

– Как скажешь.

Она подошла к стенному шкафчику босиком и твердой рукой смешала себе коктейль.

Я должен был признать, по крайней мере, что ее недостатки были самыми лучшими недостатками.

– Эй, – сказал я. – Послушай, ты богата?

– Не говори глупостей, – сказала она, – не смешно.

– Ты должна быть богатой, – сказал я. – Ведь ты не работаешь, а умудряешься платить за эту квартиру.

– Я думаю, что, став полицейским, ты стал и ищейкой, – холодно сказала она. – Тебе обязательно надо обнюхать руку, которая тебя гладит и чешет за ухом.

– Попробуй почесать меня за ухом, и я откушу твою руку, – предупредил я. – Чего ты разбушевалась? Мне просто любопытно.

– А ты не любопытствуй. – Она нахмурилась. – Это твое любопытство может все испортить.

Она подошла к кушетке с полными бокалами в руках, затем вновь удобно устроилась у меня на коленях.

– Знаешь что, Эл Крестьянин, – сказала она, – мы ведь знакомы только с сегодняшнего утра, так что не искушай судьбу, ладно?

Я отхлебнул виски и заставил себя вздохнуть.

– Договорились, – сказал я. – Давай тогда поговорим о чем-нибудь другом, о Париже, например?

– При чем здесь это? – спросила она ледяным тоном.

– Ну, – я пожал плечами, – ты там была, я тоже там бывал после войны. Я работал в армейской разведке и работал бы там до сих пор, если бы какой-то умник не придумал этого теста на определение умственных способностей. Ты где останавливалась в Париже?

– Забудем про Париж! – сказала она раздраженно. – Мне этот проклятый город никогда не нравился. Расскажи мне лучше о следствии. Что ты сегодня делал, когда от меня ушел?

– Путешествовал на своей машине, – сказал я. – Побывал там, где начинается пустыня, и даже дальше, и умудрился вернуться обратно, опоздав всего на полчаса. Ты должна гордиться своим мальчиком-крестьянином!

– Твои шутки, как всегда, не остроумны, – сказала она резко. – В них зубы вязнут, как в варенье из чернослива. И это самая несмешная шутка!

– Это не шутка, – сказал я. – Это правда. Городок под названием Окридж. Раньше был конечной остановкой для поездов, пока поезда не взбунтовались и не отказались там останавливаться. Сейчас там не осталось ничего, кроме кладбища, но зато какого кладбища!

– Я все-таки не поняла! – сказала Камилла. – правда, это была моя идея, сначала посидеть и выпить, но теперь я на этом не настаиваю. Допивай, Эл Крестьянин!

Я проглотил виски, и она понесла пустые бокалы через всю комнату и поставила их на стол. По дороге обратно она выключила свет.

Гибкое тело внезапно прижалось ко мне, руки обвились шею. Я обнял ее за талию, прижимая еще ближе, ее губы с жадностью искали мои. Свое экстравагантное платье она уже успела скинуть, выключая свет, и сейчас лежала на мне абсолютно голая. Она оторвала от меня свои губы и приглушенно прошептала:

– Крестьянин!

– Золушка! – ответил я вежливо, и, как всегда, это ее рассмешило. Приятно было чувствовать ее дрожащее тело.

Я легонько укусил ее за плечо, и она глубоко вздохнула, затем вновь изо всех сил поцеловала меня в губы.

Начиналось то самое время, когда третий – лишний.

И я явно не был подготовлен к встрече этого третьего.

"Невероятно!" – сказал я сам себе, когда услышал, как ключ поворачивается

замке. Чудеса! Я постарался себя убедить, что это шутки моего не в меру расшалившегося воображения. Я даже услышал, как открывается дверь.., и тут зажегся свет. Камилла дико вскрикнула, изо всех сил зажмурила глаза и повисла на мне мертвым грузом.

Может быть, она решила, что если она не будет видеть, кто пришел, то он не обратит на нее никакого внимания.

Я ничего не мог поделать. На мне, как мешок с картошкой, лежало фунтов сто двадцать мертвого груза.

Я отчаянно забарахтался и умудрился чуть повернуть голову и взглянуть через плечо. Первое, что попало в поле моего зрения, – голое женское тело от шеи до лодыжек. То, что им при данных обстоятельствах никак нельзя было воспользоваться, испортило мне настроение на целую минуту. Я еще раз дернулся и продвинул свою голову на несколько дюймов дальше. Я ясно увидел угол комнаты, входную дверь и мужчину, стоявшего перед ней. Судя по выражению его лица, Камилла правильно сделала, что зажмурилась, ожидая, пока он уйдет.

Руди Равель стоял неподвижно. Ошарашенное выражение лица никак не вязалось со всем остальным его видом. Шелковый шарф был перекинут через плечо с необходимой степенью небрежности, а шелковая куртка и серые брюки поражали своей элегантностью. Легкий плащ был накинут на плечи, и рукава его болтались по сторонам.

– Уилер! – прорычал он. – Я убью вас за это!

Его появление на этот раз сопровождало грозное *forte crescendo*, хотя аранжировка, надо сказать, была примитивная.

Когда он сделал шаг по направлению ко мне, я, напрягшись, сделал последнюю попытку сбросить с себя Камиллу. Не тут-то было! Это была настоящая женщина – ни один мускул ее не дрогнул!

Руди внезапно остановился посреди комнаты. Музыка на заднем плане внезапно изменилась. Грозные нотки исчезли, ритм замедлился. В мелодии появилась гармония созерцания. Выражение, скуки появилось на лице героя, улыбка стала циничной, понимающей. Правой рукой он бережно поправил шарф.

– Черт побери! – сказал он громким голосом. – Будем вести себя как взрослые цивилизованные люди. Верная женщина или неверная – роли не играет, важно, что она создана на утеху мужчине.

Он медленно подошел к стенному шкафчику. Синкопические всплески пианино уступили место соло на скрипке.

– Я, пожалуй, выпью, – важно сказал Руди.

Камилла осторожно приоткрыла один глаз и взглянула на меня с расстояния в четыре дюйма.

– Что случилось? – прошептала она. – Кого-нибудь убили? Где я? У меня все цело?

– Дорогая, мы оба погибнем, если ты не слезешь, – прохрипел я. – Ты что, решила устроить чемпионат по вольной борьбе? Если так, считай, что я уже сдался.

Она осторожно соскользнула с кушетки, вернее с меня, на пол. Как раз в это время Руди повернулся к нам лицом с рюмкой в руке, и Камилла так и замерла в этой позе: нос почти касался пола, в который она упиралась руками, а зад возвышался где-то на уровне кушетки.

– Дорогая, – сказал Руди голосом, вибрировавшим на уровне "си" верхней октавы. – Ты очаровательна, как всегда.

Я попытался встать, осторожно перенеся ноги через спину Камиллы, опустил их на пол, а затем поднялся одним рывком. Я чуть было не упал, но удержался на ногах и с удовольствием посмотрел на Камиллу, наконец-то находившуюся не на мне.

Руди окинул меня долгим задумчивым взглядом, и уголки его губ угрюмо спустились вниз.

– Уилер! – сказал он. – Негодяй! Я...

К тому времени я уже окончательно пришел в себя.

– Руди! – заорал я на него. – Заткнитесь! Ну-ка, быстро налейте мне выпить, пока я не выбил вам зубы!

Его глаза внезапно расширились, и музыка резко оборвалась.

– Хорошо! – сказал он нервно. – Только не кричите так громко. Вам с водой или с содовой?

Я сказал ему и, повернувшись, уставился на Камиллу, которая не сдвинулась с места ни на дюйм.

– Ну-ка, – сказал я, – перестань вести себя как близорукий пудель! Иди накинь хоть что-нибудь!

Я слегка поддал ей, и она вскочила, подозрительно взвизгнув.

– Послушайте, старина, – сказал Руди нервно, – я уверен, что мы сможем договориться без всякого насилия. В конце концов, я не хочу, чтобы мне испортили лицо!

Камилла исчезла в спальне, запрев за собой дверь, а я закурил сигарету и забрал из дрожащей руки Руди свой бокал.

– Нет ничего лучше спокойной жизни, а? – слабо улыбнулся он.

– В особенности когда можно отдохнуть от семейных неприятностей, –

согласился я. – Как поживает ваша жена?

Он вздрогнул:

– Уилер, вы ведь не скажете ей?

– Почему вы так боитесь, что она узнает о ваших маленьких ночных прогулках?

– Вы не знаете Джуди, – сказал он с горечью. – Иначе бы вы не спрашивали. Стоит мне на кого-нибудь взглянуть, и разговоров не оберешься.

– Мне всегда почему-то казалось, что киноартисты смотрят на эти вещи просто, – сказал я. – Или это предрассудок?

– Если бы Джуди была такой! – сказал он пылко. – Она самая преданная жена из всех, кого я знаю. Попробуйте залезть к ней под юбку, лейтенант! Если у вас получится, я готов заплатить вам два процента с прибыли от своего будущего фильма!

– Это интересное предложение, мистер Равель, – сказал я. – Надо будет обговорить его с моим антрепренером.

– Так и сделайте! – посоветовал он искренне. – Видите ли, лейтенант, до женитьбы у меня была довольно дурная репутация. – На его лице появилась ироническая улыбка. – Но я исправился. По крайней мере, Джуди так считает, и мне не хотелось бы ее разочаровывать, старина. Если только она узнает... – При одном упоминании об этом его улыбка перестала быть иронической.

– Жена вам, наверное, очень доверяет? – спросил я.

– А как же иначе, – сказал он бодрым голосом. – Она меня безумно любит. – Он взглянул в сторону спальни. – Я думаю, что мне не стоит дожидаться Камиллу, – сказал он. – Передайте ей, что я позвоню, ладно?

– Ладно, – кивнул я.

– На сегодня мне хватит! – Он закрыл глаза, мысленно переживая случившееся. – Пойду, пока еще что-нибудь не произошло.

Я бросил взгляд в сторону двери и увидел, что она все-таки была не закрыта. Она была почти закрыта и, пока я смотрел на нее, открывалась все шире и шире.

На секунду я ощутил себя Элом Крестьянином – битником, который всю жизнь ждал, когда произойдет нечто из ряда вон выходящее, а когда наконец это произошло, то из-за неожиданности растерялся и не знает, что ему делать.

В щель просунулось дуло пистолета, а затем и рука, этот пистолет державшая. Руди все еще сидел в кресле с закрытыми глазами, не подозревая, что вечер для него еще и не начинался по-настоящему. Объяснять ему что-то не было времени – дуло пистолета было направлено ему прямо в спину.

Я схватил его за отвороты пиджака и изо всех сил швырнул в сторону. Он

описал гигантскую дугу и шлепнулся на кушетку, а та, в свою очередь, спружинила и выкинула его на пол. В то же время раздались три выстрела подряд, и бутылка виски в баре разлетелась вдребезги.

Я чуть было не застонал при виде этого. Больше всего на свете я жаждал, чтобы со мной был пистолет, правда, если бы здесь не было меня – это было бы еще лучше.

Я одним прыжком очутился у двери, пока дуло не успело повернуться в мою сторону, и изо всех сил ударил по кисти руки, державшей пистолет. За дверью взвыли. Пистолет шлепнулся на пол, и, схватившись за кисть обеими руками, я принялся выворачивать ее вверх, одновременно поворачиваясь сам.

Этот прием надо проводить очень быстро, и я ни секунды не медлил, потому что люди с пистолетами меня всегда очень пугают. Я резко наклонился вперед, занося руку через свое плечо, и перекинул стрелка через себя.

Он опять немилосердно взвыл.

Я вовремя вспомнил, что надо отпустить его кисть, и, пролетев по воздуху до ближайшей стены, он впечатался в нее с такой силой, что затрясся весь дом.

Я наклонился, поднял пистолет с пола и почувствовал себя значительно лучше. Со стороны кушетки донесся какой-то шум, и из-под нее внезапно выглянуло лицо Равеля.

– Землетрясение! – завопил он. – Все на улицу!

Человек у стены перекатился по полу со спины на живот. По-моему, он икал и, болезненно опершись об пол руками, встал на четвереньки. Он отдохнул несколько секунд, затем сделал нечеловеческое усилие и поднялся на ноги.

Я взглянул на высокую фигуру живого трупа с запавшими глазами, горевшими ненавистью, из них текли слезы.

Это был Бен Лютер, которого я уже встречал сегодня утром у Харкнесса и который тогда же попросил меня отделать Руди Равеля резиновой дубинкой.

– Я убью его! – яростно прошипел Лютер. – Где он?

Грязный лживый ублюдок, я убью его!

– Что вам сделал Руди? – спросил я с недоумением. – Я думал, что он вам нужен для этой вашей картины, в которую вы вложили так много денег?

– Руди? – Он уставился на меня так, как будто я с Луны свалился. – При чем здесь Руди?

– Но вы его пытались только что убить?!

– Вы что, с ума сошли?! – спросил он визгливо. – Это был лжец и негодяй Харкнесс.

– По-моему, они не похожи, – сказал я. – Но вы лучше взгляните сами.

Я помахал рукой в сторону белого изможденного лица, все еще торчащего откуда-то из-за кушетки.

Лютер медленно повернулся, затем внезапно вздрогнул.

– Равель! – прошептал он. – Я в него стрелял?

Его глаза внезапно закатились. И он хлопнулся в обморок.

Раздался щелчок замка, и дверь в спальню приоткрылась примерно на фут. В образовавшуюся щель просунулась голова Камиллы.

– Кто победил? – спросила она осторожно. Затем она взглянула на Бена Лютера, распростертого на полу, на Руди, торчавшего из-под кушетки с идиотским выражением лица, и глубоко вздохнула.

– Я думаю, победил ты, Эл Крестьянин! – сказала она счастливо. – Убери отсюда куда-нибудь этих идиотов и можешь спокойно пожинать плоды своей победы.

Глава 8

Руди очень осторожно уселся за руль своего кроваво-красного "порше".

– Вы спасли мне жизнь, лейтенант, – сказал он.

– Не стоит благодарности, – честно признался я.

– Я только надеюсь, что в следующий раз вы выберете для этого иной способ, – холодно добавил он.

Затем Руди завел мотор, и маленькая спортивная машина вылетела из "Дневной мечты", оставив за собой запах паленой резины. Я секунду постоял на месте, прислушиваясь к звуку мотора, и с последним аккордом лирической темы "Солдат удачи" вернулся в квартиру.

Бен Лютер сидел на злополучной кушетке с бокалом в руке и пустотой во взоре.

Камилла снова смешивала коктейли. На ней были короткие шорты и черно-белая шерстяная рубашка, придававшая ей несколько пиратский вид.

Я взял бокал виски и взглянул на Лютера. Он все еще никак не мог оправиться от своего полета по комнате.

– Я могу арестовать вас за покушение на убийство, – сказал я.

– Да, лейтенант, – прошептал он. – Даже не знаю, что это на меня нашло?

– А вы попытайтесь объяснить, – сказал я. – Но если вы будете только твердить,

что ничего не знаете, то я упрячу вас за решетку в пять минут.

Он медленно покачал головой.

– Я думал, что это Харкнесс, – просто сказал он.

– Изумительно! – сказал я. – Я сразу все понял.

Он отпил немного виски: к счастью, в баре нашлась еще одна бутылка.

– Дело в том, лейтенант, – сказал Лютер, – что ту женщину, секретаршу, убил Харкнесс.

– Харкнесс, – тупо повторил я. – Вы можете это доказать?

– Я это знаю, – сказал он коротко.

– Интуиция?

Лютер сунул руку в карман, нашел пачку сигарет и закурил.

– Я знаю, почему он ее убил, – сказал он. – И когда я вам расскажу, лейтенант, вы сможете со мною согласиться.

– Будем надеяться, – сказал я.

Он глубоко вздохнул:

– Дон Харкнесс – режиссер. Я думаю, вы это знаете. И он не может поставить ни одной картины, пока не найдет человека, который согласится финансировать ее; его последние два фильма хороши, но они не дали полных сборов, потому что в них не играли знаменитые актеры.

– Так, – сказал я, – и что же?

– Он пришел ко мне с предложением поставить новый фильм с участием Руди Равеля и Джуди Мэннерс, – продолжал Лютер. – Эти два имени наверняка дали бы полный сбор. Я сказал ему, что, если он гарантирует их участие в картине, я гарантирую ему, в свою очередь, двести тысяч долларов. При таком капитале банки бы оплатили ему все остальные расходы в кредит.

– Мистер Лютер, – сонно вмешалась Камилла, – вы не знаете, почему все считают, что неприлично иметь столько денег и не желать ими делиться?

Он взглянул на Камиллу, потом вновь перевел взгляд на меня.

– Харкнесс впервые заговорил об этом примерно с месяц назад в Лос-Анджелесе, – сказал он:

– Затем неделю назад он позвонил мне и сообщил, что Равель с женой уехали отдыхать на Парадиз-Бич. Он попросил меня приехать, чтобы обсудить фильм всем вместе. Естественно, я приехал. Мы встретились в их доме и заговорили о фильме: сценарий им понравился, но никакого ответа они сразу не дали. После

этого я предупредил Харкнесса, что не дам ни цента, пока они не подпишут контракт, и вот через три дня он мне показывает контракт, подписанный, и я немедленно передаю ему первые сто тысяч долларов.

– Сколько прекрасных денег! – вздохнула Камилла. – И все на какую-то глупую картину!

Лютер допил виски, и лицо его стало приобретать естественную окраску.

– Вчера утром мне позвонила Барбара Арнольд, которую я тогда встретил в их доме. Она сказала мне, что очень волнуется, так как сделка еще не заключена, и что Харкнесс у них уже два дня не был. Когда же он в последний раз был у них, то ей пришлось куда-то отойти от стола, на котором лежали разные подписанные документы, и когда она вернулась, то ей показалось, что с подписей Равеля и Джуди были сняты копии: на подлинниках они выглядели бледнее, как будто их перенесли на другой лист бумаги. Если бы Барбара ошиблась и все рассказала бы своим хозяевам, ее могли бы выгнать за это. Она не хотела терять работу. Тогда она позвонила мне, так как знала, что я финансирую съемки, и волновалась, что Харкнесс мог подделать подписи под контрактами, которые, как она точно знала, еще не были подписаны.

Лютер устало вытер пот с лица.

– До вчерашнего вечера я нигде не мог поймать Харкнесса. Я честно рассказал ему все, и он ответил, что Барбара лжет в отместку за то, что он пытался поцеловать ее. Я дал ему двадцать четыре часа, чтобы он доказал, что подписи не поддельные, либо вернул мне деньги.

– Почему бы вам просто не спросить Руди или Джуди, подписывали они контракт или нет? – сказал я. – Проще ведь не придумашь.

Он потер лоб:

– Нет, лейтенант, это, слишком тонкий вопрос. Допустим, они действительно подписали, а секретарша солгала. Это бы только показало им, что я не доверяю Харкнессу, что я даже считаю его способным на жульничество. А если я не доверяю собственному партнеру, они бы крепко задумались, стоит ли связываться с нами.

Понимаете?

– Пожалуй, – согласился я.

– После того как вы сегодня утром ушли от него, – продолжал он, – я был так потрясен страшной новостью, что сначала ни о чем другом не мог думать. Харкнесс так уверенно говорил о контрактах и заявил, что докажет свою невиновность уже к вечеру. Он обещал мне прийти в отель в половине одиннадцатого, но не пришел. Я чувствовал, что он не придет. Тогда я на все махнул рукой и позвонил Равелю, но его не было дома. К телефону подошла Джуди, и я прямо ее спросил, подписала ли она контракт с Харкнессом. Она ответила, что нет, они с мужем все еще обсуждают наше предложение.

Лютер размял сигарету дрожащими пальцами.

– Для меня стало ясно, что Харкнесс сначала подделал подписи, а потом убил секретаршу, чтобы она не могла свидетельствовать против него. Одна только мысль об этом привела меня в такую ярость, что я взял свой пистолет и отправился искать этого лжеца, подлеца и убийцу, укравшего у меня сто тысяч долларов. Подъезжая к отелю "Старлайт", я увидел, как его автомобиль отъезжал от стоянки. Я поехал следом, потерял его, отстав на красном светофоре, но затем решил, что снова напал на след, когда увидел, как Харкнесс – тот, кого я считал Харкнессом, – вышел из автомобиля и вошел в эту дверь, и я последовал за ним. Остальное вы знаете, лейтенант. Поверьте, я вам вечно буду благодарен за то, что не убил невинного человека.

Он вновь нервно закурил, глядя прямо перед собой.

– Пистолет я забрал, – сказал я. – И я вас не арестую, Лютер!

– Нет? – Он дико посмотрел на меня.

– При одном условии, – сказал я. – Вы больше не должны видеть Харкнесса. Договорились?

– Конечно! – Он взглянул на меня ошарашенно. – Не знаю, как и благодарить вас. Я...

– Хватит, – резко прервал я его. – Я не знаю, как Равель посмотрит на это дело утром, но думаю, что он не предъявит никаких обвинений. И запомните, если вы попытаетесь хоть на пушечный выстрел подойти к Харкнессу, я швырну вас уже не об стенку, а об землю, так что вас придется откапывать экскаватором.

– Поверьте, лейтенант, я этого не сделаю! – сказал он. – Я не заслужил этого, благодарю!

– Вы лучше идите сейчас домой, – сказал я. – На сегодня с меня хватит.

– Да, конечно.

Он поднялся с кушетки и подошел к двери. На секунду он остановился и взглянул на Камиллу.

– Пожалуйста, пришлите мне счет за весь тот беспорядок, что я у вас учинил, – вежливо сказал он, поклонился и вышел.

Глаза Камиллы полезли на лоб.

– Как ты думаешь, он заплатит, если я попрошу пятьдесят тысяч? – спросила она.

– Он может оспаривать последние три нуля, – предположил я.

Она тепло улыбнулась:

– Ты самый приятный полицейский из всех, что я знала, Эл. Когда я соберусь кого-нибудь убить, я позабочусь, чтобы тебя поблизости не было.

– Это точно, – согласился я. – Мягкое сердце, глупый ум... Ты веришь в совпадения?

– То есть?

– Лютер подъезжает к отелю как раз тогда, когда Харкнесс покидает его. Он теряет его, отстав на красном светофоре, но потом обнаруживает опять, как он считает. Но это не Харкнесс, это Равель. По-моему, это совпадение, причем с большой буквы.

– Ты думаешь, он лжет, Эл?

– Конечно, лжет, – сказал я. – Интересно только зачем? В том-то и главная трудность, когда расследуешь дело об убийстве. Все лгут, никто не говорит правды.

– Все? – спросила она холодно.

– Все, – подтвердил я. – Джуди Мэннерс, Руди Равель, Харкнесс, Лютер и ты.

– То есть как это я? – спросила она негодуя.

– Спокойно, Золушка, – сказал я. – Кстати, тебя не раздражает, что я так тебя зову?

– Почему бы тебе прямо не сказать, в чем дело, Эл Уилер, – сказала она ледяным тоном, – и не прекратить эту комедию!

– Может быть, в имени Камилла ты нашла именно ту экзотику, которой не хватает в имени Сандра? – сказал я.

Она медленно поднялась с кушетки, подошла к стенному шкафчику и, повернувшись ко мне спиной, начала смешивать себе коктейль.

– Как ты узнал? – спросила она спокойно.

– Что твое имя Сандра Шейн? – сказал я. – Наверное, в Окридже. Когда услышал, что Руди и Джуди Мэннерс приезжали туда три месяца назад, я сразу понял, что такая девушка, как ты, не создана для Окриджа, а Руди как раз такой мужчина, который оценит твои таланты.

– Я жила там еще целую неделю, – медленно сказала она. – Затем я приехала в Пайн-Сити, позвонила ему и на следующий день сняла себе здесь квартиру.

– Руди немного перестарался, когда рассказывал мне о тебе, – сказал я. – О том, как вы познакомились в Париже и что он специально смотрел твой паспорт, чтобы убедиться в том, что ты Камилла Кловис. Я даже удивился, зачем он так старается.

– Да, – согласилась она. – Руди плохой актер.

– И когда-нибудь то, что он сыграет, станет кошмарной былью, – ответил я.

– Благодарю вас, профессор! – воскликнула она с энтузиазмом.

– Не пропустите следующей моей лекции в среду, – сказал я. – Дегенеративные пороки людей и их влияние на половую жизнь птиц и пчел. Интереснейший материал.

Она нетерпеливо пожала плечами:

– Что с того, что я Сандра Шейн, и какое это имеет значение?

– Для меня ты всегда будешь Золушкой, – сказал я страстно. – Но если тебе интересно, это имеет огромное значение. Это указывает, что ты знала Джуди Мэннерс еще в Окридже, а следовательно, у тебя была причина ее убить.

– Я не знала, что ее убили, – сказала она спокойно.

– Существует версия, что смерть секретарши – это ошибка преступника. Жертвой должна была стать Джуди Мэннерс. Ты была любовницей ее мужа, он платил за тебя ренту, а многие женщины предпочитают быть миссис. А не мисс.

– Не я, – сказала она холодно.

– Уводить у Джуди мужчин из-под носа, кажется, вошло у тебя в привычку, – заметил я. – Сначала Джонни Кей, теперь Руди.

– Что здесь такого? – Она пожала плечами. – Я интереснее Джуди. После того как умерла Пирл Коулмен, нам с Джонни не имело смысла хранить в тайне наши отношения, нравилось это моему отцу или нет. Тем более, что Джонни должен был идти в армию.

– Джуди тебя, наверное, обожала, – сказал я.

– Наши чувства всегда были взаимными, – ответила она холодно.

– Вчера вечером ты мне сказала, что Руди в ту ночь был у тебя и что он ушел примерно в половине двенадцатого. Так?

– Да.

– Но раньше ты говорила, что это было в половине первого.

– Половина двенадцатого, половина первого, неужели ты думаешь, что я смотрела на часы?

– Тогда я подумал, что ты просто даешь Руди алиби.

Сейчас я не уверен. Это алиби нужно и тебе.

– В каком бы часу Руди от меня ни ушел, лейтенант, я всю ночь провела в своей квартире в постели!

– Это может кто-нибудь подтвердить? – спросил я холодно.

– Почему бы тебе не поинтересоваться у этого лилипута с биноклем? Он наверняка торчал в кустах за окном.

– А если нет? Кто это подтвердит?

– Зачем?

– Затем, что это наводит на размышления.

Камилла – это имя действительно подходило ей куда больше, чем Сандра, – весело мне улыбнулась:

– Не забываешь ли ты об одном обстоятельстве?

– Каком?

– Мы с Джуди знаем друг друга с детства. Если бы даже у нее была сестра-близняшка, я и то сразу бы их отличила. И если бы я захотела убить Джуди – ошибки бы не произошло.

– Может быть, – согласился я. – И все же лучше тебя никто не знает ее окриджского прошлого, а в тех письмах, что она получила, это прошлое пересказано чуть ли не наизусть.

– Ну ладно! – В ее глазах загорелась злость. – Так что же ты собираешься делать? Арестовать меня?

Я взглянул на часы – было уже четверть третьего – и покачал головой.

– Не могу, – сказал я. – У меня сейчас просто не осталось сил.

– Прекрасно, – сказала она. – Тогда спокойной ночи!

– Прощай, Золушка, – сказал я с сожалением.

Я уже дошел до двери, когда услышал за спиной смех.

Камилла стояла всего в нескольких шагах позади меня: шорты и рубашку она успела потерять где-то по дороге.

– Золушка! – повторила она. – Ты опять прибегаешь к нечестным приемам, Эл! – Она рассмеялась. – Сегодня холодная ночь, Эл Крестьянин. Зачем тебе уходить?

– Сейчас я действительно не знаю зачем, – признался я.

– И тебя даже не волнует, убийца, я или нет? – спросила она мягко. – Смотри, Крестьянин, не ошибись!

– А?

– А вдруг я всажу в тебя нож? – Она зверски блеснула глазами. – Конечно, я

выберу подходящий момент!

– Смерть в экстазе! – сказал я. – Какой заголовок для газет!

Глава 9

– Он стрелял в Равеля, и вы его не арестовали? – взревел Лейверс.

– Верно, шеф, – согласился я.

– А если бы он убил Равеля, вы бы погрозили ему пальчиком, наставили на путь истинный и потом все равно отпустили бы?!

– Я забрал у него пистолет, – объяснил я, – и предупредил, чтобы он больше не встречался с Харкнессом.

Ничего страшного не произошло.

– А если бы произошло, то уж я бы позаботился о том, чтобы вам мало не показалось, – пообещал он мне. – То, что я сейчас от вас услышал, только усложняет дело. Девчонка из Окриджа по фамилии Шейн – любовница Равеля; грязные делишки Харкнесса, да еще и Лютер, возомнивший себя убийцей. Да мы увязли по уши!

– Да, сэр, – согласился я.

– Какого черта вы тут сидите и поддакиваете?! – разбушевался он. – Вон отсюда! Идите и хоть что-нибудь делайте!

– Я напишу мемуары, – сказал я вежливо, – у меня давно уже готово название: "Я был среднего возраста шерифом полиции". В первой главе будет говориться о...

– Вон! – прохрипел Лейверс.

– Не забудьте, шериф, – сказал я спокойно, – я мог бы посвятить эти мемуары и вам!

Я быстро закрыл за собой дверь, пока в меня не успели чем-нибудь швырнуть. Аннабел Джексон подняла свою белокурую головку и с любопытством на меня посмотрела.

– Иногда мне кажется, что ты хочешь убить его, – задумчиво сказала она. – Путем преднамеренного повышения кровяного давления. Я, конечно, немедленно обращусь в полицию.

– Это очень умно с твоей стороны, – сказал я, – подставить меня под удар, переложить на мои плечи всю ответственность. Ты ведь прекрасно знаешь, что это именно твои девственные формы повышают давление у каждого мужчины в нашем управлении!

- Какие формы? – спросила она подозрительно.
- То слово, о котором ты думаешь, обозначает лишь душевное состояние.
- В своем душевном состоянии ты умудряешься найти секс даже в пишущей машинке, – сказала она с отвращением.
- Ты хочешь сказать, что на ней можно напечатать такие изумительные слова, как...
- Так я и знала, – сказала она. – Пока ты был у шефа, тебе кто-то звонил.
- Что-нибудь случилось?
- Я сказала, что ты сейчас занят. Мне не хотелось прерывать шерифа, когда он намыливал тебе шею.
- Без шуток, – сказал я, – кто это был? Монро?

Мэнсфилд, Бордо-Коллинз?

- Ни один из этих господ, – сказала она счастливым голосом. – Мистер Харкнесс просит передать, что ему срочно нужно тебя увидеть.
- Опять совпадение! – сказал я. – Это становится невыносимым.
- Соединить тебя? – спросила Аннабел безразличным голосом.
- Он хочет видеть меня, я хочу видеть его, я пойду и увидаю его, – сказал я.

Когда я добрался до отеля "Старлайт", на моих часах было немногим более десяти. Когда я расставался с Камиллой ранним утром на краю бассейна, небо было чистым и прозрачным, теперь же стали появляться облака, что было для меня истинным облегчением: противно вставать и идти на работу, когда утро начинается хорошо, но если еще и днем ярко светит солнце – это уже просто мука.

Я постучал к Харкнессу, и дверь быстро открылась. Он опять был в пижамных брюках и черном шелковом халате.

- Это ваш рабочий костюм? – спросил я его.

Он добродушно улыбнулся:

- Входите, лейтенант, вы как раз успели к завтраку.
- Не надо! – Я вздрогнул.

Он уселся за стол и бросил на него оценивающий взгляд, пока я усаживался в кресло, тщательно отворачивая голову.

- Вы хотели меня видеть, – сказал я. – Вы меня видите.

На стоящей перед ним тарелке возвышались три огромных куса ветчины. Он осторожно положил на каждый кусок три печеных яйца, затем поколебался и в конце концов полил все блюдо густым кленовым сиропом.

– Лейтенант, – тихо сказал он, – вы должны мне помочь.

– С вашим завтраком я не желаю иметь ничего общего, – сказал я слабым голосом.

– Я не шучу!

Он развернул пакетик сахара и подержал его с минуту над чашкой, затем передумал, высыпал его в ложку со взбитыми сливками и отправил к себе в рот.

– Бен Лютер, – внезапно сказал он, – делает все для того, чтобы посадить меня в тюрьму.

– За что?

– Именно это я и хотел бы знать. – Он нерешительно посмотрел на уже пустую тарелку перед собой, колеблясь, поесть ему сначала или продолжить разговор.

Жадность победила, и он заменил пустую тарелку на полную. Полив взбитыми сливками пирог с сыром, он буквально утопил его в кленовом сиропе. – Черт! – сказал он неразборчиво с набитым ртом. – Я уже два раза звонил Бену, а он даже не захотел разговаривать со мной. Я позвонил Джуди Мэннерс, но она окатила меня ледяным презрением, а Руди даже не подошел к телефону. Заваривается какая-то каша, лейтенант, и у меня есть подозрение, что варить ее собираются из меня.

– Это, должно быть, настоящий экстаз для такого гурмана, как вы! – восхищенно сказал я. – Каннибал, питающийся собственной плотью!

– Я говорю совершенно серьезно! – запротестовал он.

– Я тоже. И плюс ко всему, у меня на руках нераскрытое дело об убийстве. Так что, надеюсь, вы меня простите.

– Но я могу чем угодно поклясться, что это как-то связано с убийством! – сказал он удрученно.

Он рассказал мне все ту же историю, которую я уже слышал прошлой ночью, умудряясь при этом с завидной скоростью опустошать тарелки.

– Мы с ним договорились встретиться в половине одиннадцатого в его отеле, – продолжал он. – Я, к сожалению, задержался и опоздал на час. Но его уже не было. Я просидел в вестибюле часов до двенадцати, но так и не дождался.

– С чего вы взяли, что это имеет отношение к убийству? – спросил я.

– Видите ли, – он вежливо кашлянул. – подпиши на этих контрактах действительно подлинные, лейтенант.

Я не верю Бену Лютеру, которому якобы секретарша сообщила, что с подписей сняты копии. Сейчас они даже не желают выслушать меня – ни он, ни Равель, ни Мэннерс. Это значит, что они договорились.

– Я займусь этим, – сказал я. – Что-нибудь еще?

– Нет. – Он тщательно вытер губы белой салфеткой. – В некоторых отношениях Бен – человек опасный. Несколько неуравновешенный, так сказать. – Он неопределенно покрутил пальцем около виска. – У него бешеное соображение и.., да вы вчера утром сами все видели. – Он секунду помолчал. – Этот человек может неизвестно до чего дойти, сам себя взвинчивая.

– Вы хотите, чтобы в случае чего полиция вас защитила? – спросил я.

– Не в смысле грубой силы, – сказал он. – Но Лютер не пришел вчера вечером, а сегодня утром они меня избегают все трое. Смешно называть это простым совпадением. Они наверняка договорились, и я хотел попросить вас, чтобы вы выяснили, в чем дело.

– Покорно благодарю, – сказал я. – С чего вы взяли, что они создали антихаркнессовскую коалицию?

Он медленно покачал головой:

– Может быть, им понадобился своего рода козел отпущения. А может быть, это из-за вас, лейтенант? По-моему, вы наступили на чью-то мозоль.

– Если и так, я сделал это случайно, – проворчал я сердито.

– Договор есть договор, – сказал он. – Но к убийству я не хочу иметь ни малейшего отношения. Я стараюсь быть вежливым с этими людьми, лейтенант, потому что я все-таки хочу поставить свою картину, но жертвовать собой ради них я не намерен. Всякой вежливости есть предел.

– Почему вы опоздали на встречу с Лютером? – спросил я.

– Я был на Парадиз-Бич, мы с Джуди обговаривали сценарий, – сказал он. – Там еще был ваш сержант, как его там... Сикник!

– Полник, – поправил я его рассеянно. – Вы не помните, Джуди говорила по телефону, пока вы у нее сидели?

– Кто-то звонил Руди, – сказал он. – Но он как раз вышел, и разговаривала она. При чем тут это?

– Простое любопытство, – сказал я.

– Вы не забудете о контрактах? – Его голос посуровел. – Лютер что-то затевает, и я ему не доверяю, и никогда не доверял!

– Он вам тоже, – сообщил я.

– Вы его уже видели сегодня утром?

– Это было вчера ночью, – сказал я. – И его рассказ был значительно короче вашего.

– Что все это значит? – спросил он возбужденно.

– Благодаря очередному удачному стечению обстоятельств, – сказал я, – он принял Руди Равеля за вас и выпустил в него три пули.

Харкнесс побледнел.

– Вы шутите!

– Спросите Руди. Лютер с вами не разговаривает потому, что я запретил ему: я сказал, что посажу его за решетку, если он только приблизится к вам.

Его рука автоматически потянулась к чашке кофе, задребезжавшей о блюдечко.

– Я же говорил, что он псих! – забормотал Харкнесс дрожащим голосом. – Он – маньяк!

– Сделайте мне одолжение, – попросил я. – Не открывайте дверь своей комнаты, если не будете твердо уверены в том, кто за ней находится. Мне бы не хотелось, чтобы вас убили.

– Счастлив слышать это, – сказал он слабым голосом.

– Когда вас убьют, – я даже передернулся при мысли об этом, – некому будет поглощать кленовый сироп, и он затопит весь мир.

Я поставил машину позади дымчато-серого "линкольна" и кроваво-красного "порше" рядом с домом на Парадиз-Бич. Звонок возвестил о моем прибытии, и я ждал долгих тридцать секунд, прежде чем дверь открылась. Я мгновенно вспомнил все романы о пришельцах из космоса, о марсианах, захватывающих Землю. Очень занятно и смешно – это если в книжке. Оказаться же с марсианином лицом к лицу – совсем другое дело.

Я встретил пришельца впервые в жизни, поэтому стал внимательно его изучать. У него было отдаленное сходство с гуманоидом. Он (оно) был приземист и широкоплеч, с волосатым телом слегка розоватого цвета.

Кожа черепа была защищена гладким волосяным покровом. Пришелец был гол, за исключением красных трусов и толстой сигары, зажатой между зубов. Лицо у него было омерзительное.

Пока я задумчиво глядел на него, губы его раздвинулись в каком-то подобии улыбки.

– Салют, лейтенант! – сказал пришелец. – Что новенького?

– Полник, – сказал я с горечью, – ты должен был предупредить меня. Я принял

тебя за первого разведчика с Марса!

– Что, лейтенант?! – Он медленно моргнул.

– Не важно, – сказал я. – Какого черта ты здесь делаешь в таком виде?

– Я плаваю, – сказал он оскорбленным тоном. – Мне ведь было приказано не отходить от Джуди Мэннерс ни на шаг. Так приказал шериф, а она захотела выкупаться в бассейне. Как вам нравятся эти трусики, лейтенант? Классные, верно?

Он небрежно стряхнул мизинцем пепел с сигары и сунул ее обратно в рот.

Впервые в жизни я не нашелся, что ответить. Не говоря ни слова, я прошел в гостиную. Он протопал к бару и критическим взором окинул батарею бутылок.

– Выпьем, лейтенант? – спросил он.

– Мне это просто необходимо, – хрипло сказал я.

– Все еще пьете шотландское виски, лейтенант? – В его голосе проскальзывали покровительственные нотки.

– Да, – сказал я. – Надеюсь, Руди не пьет все время?

– Мы пьем "Наполеон", – небрежно сказал Полник. – Импортирован прямо из Европы, ни больше ни меньше!

– А как ты думаешь, откуда берется шотландское виски? – спросил я его с интересом.

– Вы нальете содовой сами, лейтенант?

Полник сделал вид, что не расслышал моего вопроса, по-моему, он был просто не уверен в ответе.

Я налил себе виски и закурил сигарету. Полник зарылся носом в огромный бокал, который он держал в руках между ладонями. Он несколько раз туда фыркнул, затем поднял на меня свой водянистый взор.

– Изумительно, – сказал он. – А какой крокет!

– Крокет?

– То, как эта штука пахнет, – объяснил он. – Если вы выпьете, сперва не понюхав, это значит, что вы ничего в этом не понимаете. Я, конечно, говорю не о вас, лейтенант, – добавил он поспешно.

– Наконец-то я понял, – согласился я, – что взялся за дело не с той стороны. Вместо того чтобы бегать как угорелому, мне, оказывается, надо было спокойно сидеть здесь, пить коньяк и наслаждаться очаровательными формами Джуди.

– О, Джуди! – сказал Полник уважительно. – Это дама высшего класса! Вчера мы

ели на обед фазана в собственном соку – я никогда не едал рыбы вкуснее!

– Я тоже, – согласился я.

Полник опустошил свой огромный бокал одним глотком, причем для этого ему пришлось откинуть назад голову. Он передернулся, затем приоткрыл слезящиеся глаза.

– Изумительно, – прошептал он, пытаясь перевести дыхание. – Этот Наполеон умеет делать хороший коньяк.

Я допил виски и докурил сигарету.

– Равель дома? – спросил я.

– У него каждое утро моцион, – сказал Полник. – Это такое упражнение в ходьбе. Говорит, что не может без этого. Ушел минут пятнадцать назад. Кстати, лейтенант, вы ведь можете подождать его, – разрешил он мне. – Он вернется минут через двадцать, а может, раньше.

– Благодарю, – сказал я.

Он вновь наполнил свой огромный бокал недрогнувшей рукой.

– Выпьем еще, лейтенант? – великодушно предложил он. – Может, вы хотите перекусить? – Он секунду помолчал, придумывая, что мне предложить. – Немного икры? – Он внимательно посмотрел, как я отреагирую. – Это такие маленькие черные штучки, слипшиеся вместе, и от них пахнет рыбой, – добавил он. – Но ее можно достать только у китобоев, ее, говорят, вытаскивают из китов.

– Похоже на то, – согласился я. – Где Джуди?

– Все там же, у бассейна. Я провожу вас.

– Я знаю дорогу, – сказал я холодно. – Можешь выпить еще коньяка – мне надо поговорить с ней.

– Как прикажете, лейтенант, – сказал он счастливым голосом. – Долг для меня превыше всего! – Он снова зажал свой бокал между ладонями, а потом сунул туда свой нос.

Я прошел в комнату с бассейном. Джуди лежала на спине на богатом красном ковре, край которого свисал с бортика. На ней был сплошной белый купальник, и я потихоньку начал завидовать Полнику.

Она, наверное, только что искупалась. Ее соломенные волосы блестели от воды, а с бедер стекали струйки. Я пожалел, что на купальник ушло слишком много материала; зато он так плотно обтягивал ее головокружительный бюст, что не было никаких сомнений: под купальником все натуральное, как сказала бы Джеки.

– Здравствуйте, лейтенант. – Она медленно улыбнулась. – Решили к нам заглянуть? Как мило с вашей стороны.

– Спасибо, – сказал я. – Рад вас видеть, миссис Мэннерс. Я, право, не ожидал, что увижу так много. По крайней мере, в жизни, а не на экране.

Углы ее губ дрогнули, и улыбка стала шире.

– Вы такой неожиданный, лейтенант, – сказала она. – Я слышу от вас комплимент, обдумываю его и прихожу к выводу, что это дерзость или просто гадость.

И наоборот!

– Спасибо за Полника, – сказал я. – Правда, по заданию это он должен был присматривать за вами, а не наоборот.

– Ну что вы, – сказала она весело. – Я чувствую себя в полной безопасности, пока он здесь. Прошлой ночью он рассказал нам обо всех преступлениях, которые он раскрыл, – я была потрясена. Я никак не могу понять, почему вы все считаете его тупым?

Я слегка улыбнулся.

– Он думает ногами, – сказал я. – С такими ногами, как у него, это легко.

– Не волнуйтесь, лейтенант. – Она весело рассмеялась. – Я про себя все время заменяла "Полник" на "Уилер". У вас завидная репутация в Пайн-Сити.

– Но ненадолго, – угрюмо сказал я. – Эти женщины не могут не врать – языки у них так и чешутся!

Она легким движением поднялась на ноги и обтерла мокрые бедра руками.

– Как продвигается ваше следствие?

– Кое-что я узнал, – сказал я. – Но мне это ни о чем не говорит. Я бы хотел, чтобы вы помогли мне разобраться. Идет?

– Буду рада помочь вам чем смогу, – сказала она, – и благодарю за доверие.

– Спасибо, миссис Мэннерс, – сказал я.

– Зовите меня просто Джуди. Может быть, пройдем ко мне в комнату? Там нам никто не помешает.

Я последовал за ней в другое крыло дома, где находились спальни. Ее спальня состояла из двух комнат, в каждой из которых было еще по маленькой комнатке для переодевания, соединенных между собой ванной.

– Пожалуйста, присядьте, лейтенант, – сказала Джуди, как только мы вошли. – Я ненадолго. Только сниму купальник.

– Прекрасная мысль, – сказал я с энтузиазмом.

Она задумчиво посмотрела на меня:

– И надену платье.

– Зачем?

– Что – зачем? Ее глаза внезапно расширились.

– Джуди, – сказал я ей честно, – вы самая красивая женщина из всех, кого я встречал за свою жизнь. Я знаю, вы не можете жить без Равеля. Но только дайте мне возможность доказать, что я могу...

– Лейтенант, – сурово сказала она, – вы что, рехнулись?

Решив воспользоваться полученными советами из журналов для мужчин, я старательно изобразил на лице выражение святой невинности, которое означало примерно следующее: "Дорогая, если я и рехнулся, в этом виновата ты!"

Джуди посмотрела на меня взглядом налогового инспектора, и на щеках у нее проступили красные пятна.

– Может быть, вам лучше подождать в гостиной? – прошипела она, и по ее тону я понял, что мне никогда не удастся получить тех двух процентов, которые обещал Равель.

– Простите, – извинился я. – Я совсем потерял голову... Не понимаю, что говорю. Но сама обстановка...

Вы в купальнике... Я, видимо, неверно истолковал...

– Видимо, неверно, лейтенант, – сказала она ледяным тоном. – С чего это вы взяли, что я изменяю своему мужу?

– Это как раз просто, – сказал я мягко. – Ведь он же вам изменяет.

Глава 10

Как всякий мужчина, у которого в жилах течет кровь, а не вода, я в свое время получал пощечины, но это было так давно, что я успел забыть. Теперь же мою память реанимировали.

Джуди ударила меня ладонью по одной щеке, сама покачнувшись от силы удара, затем развернулась и с силой врезала по второй.

– Лжец! – пронзительно закричала она. – Подлый, грязный...

Я ткнул ее большим пальцем в солнечное сплетение, и она моментально затихла. В голове у меня все еще звенели колокола, а щеки горели самым настоящим пламенем. Джуди слегка выпрямилась, ловя ртом воздух. К тому времени, как она оправилась, в голове у меня тоже прояснилось. Я вовремя

перехватил ее кисть и вывернул руку, так что она вынуждена была повернуться ко мне спиной. Я выкрутил ей кисть, не позволяя освободиться, но и не причиняя слишком сильной боли. Плача от ярости, она согнулась пополам и попыталась пяткой ударить меня между ног. Я нажал ей на кисть так, что она взвизгнула, затем потащил ее в ванную.

Я сунул Джуди под душ, открыл кран с холодной водой на полную мощность, отпустил ее кисть и быстро ретировался обратно в комнату, закрыв за собой дверь.

Шум воды моментально затих, но вышла она только через десять минут, вся завернутая в огромное мохнатое полотенце. Ее лицо было мертвенно-бледным, но без всяких следов слез. На секунду ее глаза зло блеснули, но затем она улыбнулась.

– Может, нам лучше извиниться друг перед другом, – сказала она. – Начнем все сначала и забудем о том, что было.

– Я не прочь.

– Пойду переоденусь. Я быстро.

Она пошла в комнату для переодевания и тщательно заперла за собой дверь.

Прошло всего пять минут, и Джуди снова появилась на пороге. На ней был льняной темно-бирюзового цвета костюм, состоящий из короткого жакета и прямой юбки.

Светлые волосы были аккуратно зачесаны назад, а губы слегка подкрашены.

– Надеюсь, что вы не успели соскучиться, лейтенант? – весело сказала она.

– Для женщины вы оделись замечательно быстро, – сказал я.

– Можно подумать, что вы женаты, лейтенант!

– Еще немного, – сказал я ей, – и я начну вести себя как примерный отец семейства.

Она села напротив меня и аккуратно перекинула ногу за ногу. Я видел линию ноги почти до самого бедра. Колени у нее были круглые. Она одернула юбку, и я, больше ничего не теряя, сконцентрировался на ее лице.

– Итак, лейтенант, – начала она, – вы же понимаете, что я этого так не могу оставить. Что вы имели в виду, когда сказали, что Руди мне изменяет?

– Простите. Я никак не ожидал, что это будет для вас новостью.

– Не извиняйтесь, – резко сказала она. – По край-ней мере сейчас это для меня новость, и я хочу, чтобы вы мне рассказали все подробно.

Я сообщил ей о Камилле, и о квартире в "Дневной мечте", и о том, что Руди платит ренту, видится с Камиллой почти каждый вечер и однажды провел с ней

уик-энд.

– Понятно, – холодно сказала Джуди, когда я закончил свой рассказ.

Я закурил и предложил ей сигарету, но она отрицательно качнула головой.

– Вчера я был в Окридже, – признался я. – Проверил, насколько правдоподобны эти письма.

– И что? – нетерпеливо сказала она.

– Вы были правы, – сказал я. – Лицо, их написавшее, хорошо знает вашу жизнь. Все сходится. Даже старый Коулмен с его могилами.

– Я слышала о нем, – сказала Джуди. – Месяца два-три назад я заезжала в Окридж. Это было ошибкой – старого не вернешь, лучше даже не пытаться. – Она закусила нижнюю губу. – Вы заходили на кладбище, лейтенант?

– Да. Я разговаривал с Коулменом.

– Это правда, что.., там есть пустой участок?

– Правда, – кивнул я. – Старик сказал, что это место зарезервировано специально для вас. Наверное, совсем с ума сошел от такой жары и от своих могил.

– Ну почему? – прошептала она. – С тех самых пор, как убили Барбару и я поняла, что чуть сама не стала жертвой, я не перестаю себя спрашивать: почему они так ненавидят меня? Что я им сделала? Я снова перебираю в уме эти письма, снова и снова пытаюсь понять, кто же мог написать их! Иногда мне кажется, что я схожу с ума.

– Камилла Кловис – имя не настоящее, – прервал я ее.

– О! – Джуди быстро на меня взглянула. – Как ее зовут?

– Сандра Шейн.

Она прикрыла рот тыльной стороной руки, в глазах ее застыл ужас.

– Сандра? – прошептала она. – Так это она написала...

– У нас нет доказательств, – сказал я. – Пока что нет. Когда вы были в Окридже несколько месяцев назад, вы видели ее?

– Нет, – сказала она сдавленным голосом. – Нет.

Я даже не знала, что она все еще там живет.

– Перед этим она три года провела в Лос-Анджелесе. Значит, они с Руди познакомились, когда вас поблизости не было. Неделей позже она перебралась в Пайн-Сити и сразу же позвонила ему. На следующий день она сняла квартиру в "Дневной мечте".

– Это похоже на Сандру, – сказала она натянуто. – Вешается на шею любому мужчине, если он только может быть ей полезен. А Руди никогда не мог устоять перед женской лестью.

– Так что она могла написать эти письма и могла убить Барбару Арнольд, – сказал я. – Здесь-то и начинаются настоящие трудности.

Джуди с большим сожалением оторвалась от созерцания представшей перед ее мысленным взором картины: голова Сандры, медленно тонущая в кипящем масле.

– Трудности? – механически повторила она.

– С Доном Харкнессом, например, – сказал я. – Скажите, вы или Руди подписывали с ним контракт?

– Нет. – Она отрицательно покачала головой. – Мы еще не приняли решение.

– Бен Лютер рассказал мне об этом, – продолжал я. – Он звонил вам вчера вечером?

– Он звонил Руди, но его не было дома. – Ее губы угрюмо сжались. – И теперь я знаю, где он был.

– Лютер говорил вам о звонке Барбары накануне убийства?

– О том, что кто-то скопировал наши подписи? – Она кивнула. – Да, он спросил, подписали ли мы контракт, и я ответила, что нет. Дон, наверное, в отчаянном положении, если он пошел на это.

– Ему приходится работать за шестерых, чтобы оплатить свои завтраки, – сказал я. – Кстати, он был здесь, когда Лютер звонил вам?

– Да. – Она сухо улыбнулась. – И после звонка Лютера мне пришлось здорово притворяться, чтобы он не догадался, что я знаю все.

– А какое это могло иметь значение?

– Может быть, и никакого. – Она раздраженно пожала плечами. – Но я решила, что так будет справедливо по отношению к Бену. Он умеет вести дела и, конечно, сможет урегулировать это дело с Доном по-своему.

– Когда Харкнесс от вас ушел?

Джуди на секунду задумалась:

– Примерно около одиннадцати или немного позже.

– Что он так долго у вас делал?

– Мы, естественно, обсуждали фильм. У него с собой был первый вариант сценария, и мы его вместе просматривали. Он очень хотел заключить договор, а

когда Дон чего-нибудь хочет, он своего добивается.

Сценарий у него великолепен. Не поговори я вчера с Лютером, я почти наверняка подписала бы этот контракт.

Я закурил новую сигарету, затем встал.

– Спасибо, что помогли, Джуди.

– Для вас это действительно важно? – спросила она взволнованно.

– Не знаю, – честно признался я. – Сейчас не очень.

Но может быть, в дальнейшем...

– Вы уже уходите? – В ее голосе звучало вежливое сожаление хозяйки.

– Я хотел бы повидать Руди, – сказал я. – Думаю встретить его по дороге.

Она быстро встала, одернула юбку с такой силой, что чуть не сорвала ее с себя.

– Я пойду с вами, лейтенант, – сказала она твердо. – Я бы тоже хотела встретить Руди!

Мы прошли через весь дом в гостиную, и Полник слабо помахал нам двумя пальцами, когда мы проходили мимо бара. Он осторожно икнул, затем произнес слегка заплетающимся голосом:

– Эй, лейтенант!

– Что? – спросил я.

– Этот парень. Наполеон, где вы, сказали, он живет – во Франции, в Европе?

– Во Франции, в Европе, – терпеливо подтвердил я.

Полник на минуту глубоко задумался.

– А как туда добраться? – просто спросил он.

Когда мы дошли до входной двери, я придержал ее для Джуди, а затем вышел вслед за ней на крыльцо. Она бросила взгляд на небо и поежилась.

– Скверная будет погода, – сказала она, – сильный ветер, а я ненавижу бури!

– Вы давно уже замужем за Руди? – спросил я ее.

– Три года. А при чем здесь это?

– Простое любопытство, – сказал я. – Вы рассказывали ему об Окридже и о Джонни Кее?

– Конечно. – Она засмеялась. – После нескольких лет совместной жизни муж и

жена все знают друг о друге... Она внезапно замолчала, глядя на меня с ужасом. – Нет! – с отчаянием в голосе сказала она. – Нет! Руди... никогда не сделал бы этого!

– Я разве сказал, что он сделал? Я просто сказал, что он мог сделать.

Персона, о которой шла речь, внезапно появилась из-за угла дома и затрусил к нам неторопливой рысцой. Несколько секунд я наслаждался музыкальной темой главного героя, которая на этот раз оказалась веселым охотничьим маршем.

Руди был без шляпы, в легкой твидовой серого цвета куртке и тщательно отглаженных брюках. Его голубая рубашка с расстегнутым воротничком была подобрана в тон туфлям. Он приближался к нам, помахивая рукой, в которой был зажат хлыст.

– Я не знал, что здесь есть лошади, – сказал я.

– Их тут нет, – безразлично сказала Джуди. – А если бы и были, Руди обходил бы их за километр. Примерно год назад он снимался в одном ковбойском фильме, и до сих пор при одном слове "лошади" он готов забраться под ближайший диван.

– Привет, Уилер! – сказал Равель тоном великосветского английского лорда, выходящего на крыльцо с приветственной улыбкой на губах. – Как настроение, старина? Как поживает ваш чудесный помощник, мой добрый друг Полник?

– Он пьян, – коротко сказал я. – – О! – Руди нахмурился и покачал головой. – Это так плохо!

– Руди, – сказала Джуди спокойным голосом, – дай мне поддержать твой хлыст.

Он поглядел на нее восхищенным взглядом.

– Девочка моя! – сказал он. – Как приятно возвращаться домой издалека, зная, что тебя ждет жена, преданная, любящая! – Он неопределенно махнул рукой в сторону океана, и скромный пляж мгновенно преобразился в пустыню Сахару, а охотничий марш сменился сладостной восточной музыкой, которую сопровождал нестройный звон верблюжьих колокольчиков.

– Хлыст, Руди!

– Извини, любовь моя! Вот он, прости!

Джуди осторожно взяла хлыст из его рук. Затем слегка помахала им, примериваясь и взвешивая.

– Преданная любящая жена! – громко повторила она. – Как там насчет преданного изменяющего мужа?

– А? – Руди заметно вздрогнул и посмотрел на нее, с тревогой во взоре. – Что ты сказала?

Хлыст просвистел в воздухе и с хлопком, похожим на пистолетный выстрел,

обрушился на его плечи.

– Я тебе покажу Сандру Шейн! – бушевала Джуди. – Сопляк несчастный!

Хлыст просвистел в воздухе еще раз, и, взыв, Руди. галопом поскакал прочь, спасаясь от ударов, время от времени обрушивавшихся на него сзади.

Я с интересом наблюдал все это, пока они не исчезли за углом дома, а потом повернулся и пошел обратно в гостиную.

Подойдя к бару, я с изумлением увидел, что Полник абсолютно трезв.

– Кто-то кричал, лейтенант? – спросил он.

– Охотник, – сказал я, – А?

– Охота на лису.

Полник медленно покачал головой.

– Я могу вам чем-нибудь помочь, лейтенант? – спросил он.

– Конечно, – сказал я. – Ты можешь мне помочь написать письмо, в котором мы будем угрожать одной даме.

– Как это, лейтенант?

– Ты что, никогда раньше не писал таких писем?

– Лейтенант, – сказал он задумчиво, – существует два типа людей: одни получают такие письма, другие отправляют. Так вот я отношусь к первому типу. И все дамы хотят от меня одного – денег!

– Я понимаю, сержант, – сказал я сочувственно, – но один-единственный раз тебе все-таки придется примкнуть ко второму типу. Пишущая машинка все еще в комнате секретарши?

– Да, – сказал он. – Я там сплю.

– Тогда пошли, я не хочу, чтобы нам помешали. Надо успеть, пока Руди со своей верной, любящей женой играет в пятнашки.

Мы вышли из гостиной и прошли через весь дом в комнату покойной Барбары Арнольд. Я уселся за стол с пишущей машинкой и закурил сигарету.

Во втором ящике стола лежала пачка белых карточек, и я заправил в каретку одну из них.

На столе валялось несколько нераспечатанных конвертов. Я их быстро проглядел, это были самые обычные счета и расписки, на которые почему-то до сих пор никто не обратил внимания. Одно письмо было именно тем, что я искал. Оно было адресовано Джуди Мэннерс, внутрь был вложен какой-то счет от меховщика в Наин-Сити. Я смял счет в руке и выбросил в корзину для бумаг,

стоящую под столом.

– Какое сегодня число? – спросил я.

– Двенадцатое, – незамедлительно ответил Полник.

– Ты уверен?

– Годовщина моей свадьбы, лейтенант, – сказал он печально. – Мужчина никогда не должен забывать день, когда он совершил величайшую ошибку в своей жизни.

Я секунду просто глядел на белую карточку, затем медленно стал печатать одним пальцем, стараясь не обращать внимания на тяжелое дыхание за своей спиной.

Через пять минут я закончил и внимательно перечитал написанное, не вынимая листа из машинки.

"На сей раз ошибки не произойдет. Прекрасная бессердечная дама умрет в Раю в пятницу 13 июля.

Элиас Фрай и Пирл Коулмен, окриджское кладбище.

И птички не чирикают".

За моей спиной послышалось хрюканье.

– Лейтенант, – хрипло сказал Полник, – но это здорово напоминает те письма, что она уже получила!

– Рад, что тебе это понятно, – сказал я.

– Лейтенант. – Он на минуту замялся. – Это не вы писали те, остальные, и убили эту даму, Арнольд?

– Понятия не имею, – сказал я. – На всякий случай надо будет справиться у доктора, не хожу ли я во сне.

Я вынул карточку из машинки и сунул ее в конверт. на имя Джуди Мэннерс со штемпелем Пайн-Сити.

– Где тут почтовый ящик? – спросил я.

– На воротах у дороги, – сказал Полник. – Вы сошли с ума, лейтенант.

– Ты знаешь, что делает хороший газетчик, когда нет никаких новостей? – спросил я. – Он создает их. Я чуть-чуть завяз в этом деле... Все застыло на одном месте. Приходится изобретать.

– Если шериф когда-нибудь узнает...

– Не узнает, – сказал я жестко. – По крайней мере, не от меня и не от тебя!

Я сунул конверт в карман и встал из-за стола. Полник следовал за мной по пятам до самых дверей.

– Я еду в город, – сказал я. – Проследи за тем, чтобы Джуди достала это письмо из ящика не позднее следующего часа, и заставь ее позвонить шерифу.

– Я надеюсь, вы знаете, что делаете, лейтенант, – сказал он нервно.

– Как всегда, – согласился я. – И после того как я уйду, тебе придется выполнить еще одно поручение.

– Да?

– Запрещь этот коньяк на ключ! – рявкнул я на него.

Когда я выходил из дома, ни Руди, ни его верной любящей жены поблизости не было. Подъехав к деревянным воротам, я выбрался из машины и, убедившись, что поблизости никого нет, опустил письмо в ящик.

Всю дорогу до Пайн-Сити я неизвестно чему улыбался про себя и одновременно пытался сообразить, что же меня так радует. Наконец я понял: оказывается, это очень интересно – замышлять убийство!

Глава 11

Я примостился на краешке стола, за которым сидела Аннабел Джексон, уперся ногами в корзину для бумаг и сделал попытку вразумить ее.

– Твоя беда, мой маленький домашний цветочек, – сказал я ей честно, – что ты совсем не даешь себе расслабиться.

– Это плохо? – печально спросила она.

– Конечно. Я знаю, что тебе надо: хорошо провести вечер. Я к твоим услугам. Пойдет?

– Не пойдет, – сказала она твердо.

Я вздохнул:

– Мы бы встретились, перекусили где-нибудь, зашли в кино, потом ко мне.

– Нет, – заявила она, но я не обратил внимания на то, что меня перебили.

– Мы сели бы на кушетку, выпили бы, я бы включил проигрыватель и выключил бы свет, и до тех пор тебе совсем не надо было бы волноваться.

– К тому времени я бы уже изошла криком, – спокойно заметила она.

– К сожалению, – сказал я, – так и случилось бы.

Ты сейчас в том возрасте, когда непонятные страхи выплывают из глубин твоего сознания на поверхность. Чего ты боишься?

– Эл Уилер, – сказала она возмущенно. – Ты прекрасно это знаешь.

– Все, что тебе надо, – это расслабиться, – продолжал я гнуть свое. – Любой новый опыт...

Меня прервал телефонный звонок. Она подняла трубку, и я узнал громкие раскаты голоса Лейверса.

– Да, сэр. Он здесь, сэр, – сказала Аннабел, – уже в управлении. – Она опустила телефонную трубку на рычаг и сладко мне улыбнулась. – Голос нашего повелителя, – сказала она. – Он немедленно хочет тебя видеть, но не сказал зачем.

Я соскочил со стола, закрыл глаза и замер, задржав подбородок.

– Ты что, заболел, Эл? – с любопытством спросила Аннабел.

– Знаю! – сказал я деревянным голосом и уставился на нее не моргая.

– Что ты знаешь?

– Зачем шериф хочет меня видеть. – Я вновь на секунду закрыл глаза. – Это озарение. Может быть, я ясновидец – Скорее псих, – нетерпеливо фыркнула она.

– Джуди Мэннерс... – пропел я безжизненным голосом. – Она получила еще одно письмо.

– У тебя нет воображения, – сказала Аннабел, но в ее голосе не было слышно прежней уверенности. – И что там написано?

– "На сей раз ошибки не произойдет, – медленно произнес я. – Прекрасная бессердечная дама умрет в пятницу 13 июля..." Там еще что-то написано, но я смутно вижу лишь то, что похороны состоятся в Окридже.

– Чушь! – выразительно сказала она. – Иди скорее к шерифу, пока его кровь не закипела!

– Ладно, – вздохнул я. – Она мне не верит... Но она это проверит у шерифа и поймет, что я прав.

Я прошел в кабинет Лейверса, придав своему лицу деловое выражение: ясный взгляд, дружеская, но почтительная улыбка на лице, высоко поднятая голова.

Тело мое тоже выражало готовность кинуться куда угодно по первому приказанию, что легко можно изобразить, приподнявшись на мыски.

– Звали, сэр? – сказал я твердым голосом.

Лейверс отвратительно поморщился:

– Что с вами, Уилер? Перестаньте подпрыгивать!

Я опустил на пятки и снова приподнялся на мыски.

– Сэр, – сказал я со всей возможной искренностью, – я жду ваших приказаний, сэр, чтобы скорее приняться за дело, сэр.

– Вы больны, – сказал шериф приглушенным голосом. – Садитесь. И ради бога уберите со своего лица это идиотское выражение! У меня от него кровь стынет в жилах!

Я решил, что Лейверс меня все равно не поймет, и небрежно плюхнулся в кресло для посетителей, зная, что пружины в нем починили уже неделю назад.

– Мне только что звонила Джуди Мэннерс, – сказал Лейверс. – Она получили еще одно письмо!

– И что в нем, шериф? – спросил я с вежливым интересом.

Он слово в слово повторил все, что я говорил Аннабел.

– Похоже, что убийца решил не откладывать дело в долгий ящик, – осторожно сказал я. – Он, должно быть, слишком уверен в себе, если осмеливается назвать даже день убийства.

– Именно это я и хочу сказать, – подтвердил Лейверс. – Так что нам делать? Я могу послать дюжину людей для охраны дома снаружи и изнутри. Но кто бы ни написал это письмо, он наверняка знал, что именно так я и поступлю. Допустим, я пригоню туда своих людей в субботу, и ничего не произойдет. Не могу же я держать их там вечно! А убийца спокойно придет себе в воскресенье и сделает свое дело.

– Это возможно, шериф, – согласился я.

– А вы что думаете, Уилер? У вас есть какой-нибудь план?

– Я думаю, что это чудесный повод для хорошей вечеринки.

Сигара выскользнула у него из пальцев и упала на пол. Он глядел на меня с открытым ртом. По-моему, кровь у него больше не стыла в жилах – она начинала медленно закипать.

– Всего лишь небольшая вечеринка на Парадиз-Бич, сэр, – дожал я его.

– Уилер, – проскрипел он сдавленным голосом, – еще одна такая шутка, и я удавлю вас собственными руками.

– "" – Я абсолютно серьезен, шериф, – холодно сказал я. – И я никогда не шучу, когда речь идет об убийстве.

Он закашлялся, глотнув сигарного дыма, и это дало мне возможность изложить

свой план.

– Только четверо могли написать это письмо, – быстро сказал я. – Шейн, Лютер, Харкнесс и Руди Равель.

Если Джуди пригласит их на уик-энд, то все они окажутся в одном месте, и за ними легко будет наблюдать. Нам не придется охранять дом снаружи, проверять, закрыты ли окна и двери, патрулировать пляжи, дорогу, ставить своих людей у двери.

Лейверс наконец откашлялся:

– А кто будет наблюдать за ними в доме? Полник?

– И я. Уверен, что Джуди не откажется пригласить меня вместе с остальными.

Я терпеливо сидел и курил сигарету, пока он обдумывал мое предложение.

– Если я пойду на это, – сказал он медленно, – а ее завтра убьют, отвечать будете вы, Уилер.

– Знаю, – кивнул я.

– Вы берете на себя слишком большую ответственность, ответственность за чью-то жизнь! Стоит вам ошибиться – и она умрет. Умрет по вашей вине.

– Да, сэр.

– Мы работаем вместе достаточно долго, и вы знаете, что я всегда поддерживаю ваши планы, даже рискуя при этом свернуть себе шею. Вы самый неприятный полицейский из всех, кого я встречал, но вы родились под счастливой звездой. У вас всегда все получается, а я человек суеверный!

– Дело не в счастливой звезде, сэр. – Я скромно потупился. – Это ясновидение. Спросите Аннабел Джексон, если не верите.

– Но сейчас речь идет не о вас, не о каком-то там городском управлении, не о тех голосах, которые я могу потерять на выборах, – продолжал он, не обратив внимания на мои слова. – Речь идет о жизни молодой женщины...

А теперь ответьте, вы все-таки настаиваете на своем?

– Да, сэр, – сказал я ему. – Одно убийство уже совершено, и мы никогда не поймем убийцу, если будем просто сидеть и ждать, пока он сам к нам не придет. Нам надо устроить ловушку преступнику, где Джуди Мэннерс будет приманкой.

– Хорошо. – Он пожал плечами. – Что требуется от меня?

– Позвонить Джуди Мэннерс и объяснить ей все.

Скажите, что я буду у них вместе с остальными гостями. Можно мне взять одну из ваших машин, шериф?

Моя слишком мала.

– Конечно. – Он кивнул. – Кроме Полника, вам никто не нужен для внутренней охраны?

– Остальные будут только мешать, – сказал я. – Может быть, даже вспугнут убийцу.

– А снаружи?

– Нет, шериф.

– Это все?

– Да, сэр.

– Хорошо, – сказал он жестко. – Но я все-таки поставлю на дороге двух своих людей. Видно их не будет, а если кто-нибудь попытается удрать, то далеко не уйдет!

– Это разумно, – согласился я.

– Если мы обо всем договорились, можете идти.

Я уже приоткрыл дверь, когда он остановил меня:

– Уилер!

– Шериф, – сказал я благодарным тоном, – большое спасибо, и я ценю это, но вам не обязательно говорить, чтобы я поберег себя, я...

– Кто сказал хоть слово обо всей этой сентиментальной чепухе! – разбушевался он. – Я хотел вас в последний раз предупредить, чтобы вы не вздумали явиться ко мне завтра утром с двумя-тремя трупами на руках, по своему обыкновению оправдываясь тем, что сэкономили штату судебные издержки!

Я задержался в квартире, только чтобы захватить зубную щетку, бритву и чистую рубашку, а заодно и пистолет. Затем я направился в отель "Старлайт" и постучался к Харкнессу. Меня чуть не хватил удар: во-первых, он был одет, во-вторых, он ничего не ел.

– Так скоро, лейтенант? – спросил он безо всякого энтузиазма в голосе.

– С целым ворохом новостей, – сказал я весело. – Надевайте шляпу, собирайте чемодан, вы приглашены в гости.

Его щеки задрожали.

– Вы меня арестовываете?

– С чего вы взяли? – Я дружески улыбнулся. – С какой стати?

– Именно это я и хочу знать, – сказал он хрипло.

– Вы говорите таким голосом, что вас можно заподозрить в чем угодно: в грабеже, подделке, убийстве.

– Я никуда не пойду, пока не свяжусь со своим адвокатом!

– Да я всего лишь пытаюсь вдолбить вам, что вы приглашены на уик-энд к Джуди Мэннерс, – сказал я. – Внизу нас ждет машина.

Харкнесс проницательно на меня посмотрел.

– Что это за шутка? – спросил он в конце концов.

– Это не шутка, – сказал я. – Просто у нее вечеринка; приглашены вы, приглашен я.

– Сожалею, но я не могу принять этого приглашения, – сказал он отрывисто.

– Ну вот, – сказал я с сожалением. – Вы все испортили. Теперь мне придется вас арестовать.

– За что?

– Понятия не имею. – Я задумался, но так ничего и не придумал. – Может быть, по дороге в участок мне в голову придет какой-нибудь удачный предлог, и тогда я смогу задержать вас на пару дней.

Он открыл коробку конфет, стоявшую на столе, и яростно атаковал ее содержимое.

– Я человек терпеливый, лейтенант, но все-таки лучше скажите сразу: в чем дело?

– Пожалуйста, – сказал я. – Джуди только что получила письмо, в котором говорится, что она умрет тринадцатого числа сего месяца, то есть завтра. Она собирается это дело как следует отпраздновать и устраивает сегодня вечеринку. Вот и все.

– При чем здесь я?

– Вполне возможно, что вы и есть тот человек, который написал это письмо. – Я весело улыбнулся. – Если вы будете находиться в ее доме, за вами будет легче наблюдать.

– Зачем мне убивать Джуди Мэннерс? – запротестовал он.

– Если вы этого не знаете, то я не знаю и подавно, – вполне резонно заметил я. – Но скучно вам там не будет.

Вы уже надели свою шляпу?

– Похоже, у меня нет выбора, – сказал он холодно. – Или я иду с вами сейчас, или вы арестовываете меня неизвестно за что и сажаете за решетку на пару дней. Я правильно понял?

– Вы умный человек, мистер Харкнесс, – с уважением сказал я. – Хотя вы и умрете раньше времени от обжорства. Вы готовы? Хотите, я позвоню в бюро обслуживания, чтобы они выслали грузовик пирожных?

Он быстро собрал чемодан, продолжая опустошать коробку конфет.

– Кто там будет кроме нас? – опросил он, когда мы спускались в лифте.

– Джуди и Руди, естественно, – сказал я. – Это же их вечеринка. А еще вы и я.

– Больше никого?

– Девушка по имени Камилла Кловис.

– Кто она?

– Давайте не будем сейчас вдаваться в подробности, – сказал я. – На это нет времени. Кстати, мы заедем сейчас еще за одним господином – Беном Лютером.

Харкнесс вздрогнул.

– Прекрасно, – скорбно сказал он. – Теперь я тоже уверен в том, что убийство в этом доме произойдет.

И если не убьют Джуди Мэннерс, не огорчайтесь – меня-то уж точно ухлопают!

Она загорала у бассейна, опустив голову на скрещенные руки. Загар стал глубже и ярче, бикини уже.

– Эй, – сказал я и слегка ткнул ее в ребро носком ботинка, – проснись!

– Как это удобно, – сказала она, не поднимая головы. – Закончить работу и прийти ко мне как к себе домой! По-моему, мы еще не женаты.

– Я еще не закончил работу, – сказал я терпеливо. – Пойди собери свои вещи.

Камилла взорвалась:

– Я никуда не пойду, Эл Уилер! Убирайся вон! Приходи ночью, ты, порождение мрака, при дневном свете ты бесполезен. Убирайся в свой гроб и пережди день, как делают все настоящие вампиры!

– Ты приглашена сегодня на вечеринку и вообще на весь уик-энд к Джуди

Мэннерс, – сказал я, – и лучше поторопись. У нас совсем нет времени.

– Я? В гости к Джуди? Ты сошел с ума!

– Золушка! – сказал я. – У тебя ровно пять минут времени. После этого тебе придется поехать туда прямо в бикини.

Она села и внимательно посмотрела на меня:

– Ты серьезно, Эл Крестьянин?

– Кроме шуток, – сказал я. – В моей машине уже сидят двое гостей. Одного зовут Харкнесс, а другого – Бен Лютер, ты его уже встречала вчера ночью.

– Тот самый, что стрелял в Руди, приняв его за Харкнесса? – с любопытством спросила она.

– У тебя прекрасная память, – сказал я. – Иди собирайся.

– И ты оставил их вдвоем в машине?

– Лютер слишком многим обязан мне за прошлую ночь, – сказал я. – Он будет сидеть и молчать. А Харкнесс всегда молчит, по крайней мере до тех пор, пока не знает всех карт противника.

Мы прошли в ее квартиру, и она закрыла за собой дверь.

– Давай выпьем? – предложила она. – И Расскажи мне в конце концов, что происходит?

Я сделал и то и другое. Когда я кончил рассказывать, она поглядела на меня сквозь поднятый бокал.

– Ты считаешь, что кто-то из нас троих собирается убить Джуди Мэннерс? И я одна из троих?

– Из четверых, – поправил я. – Ты забываешь о .Руди.

– Если я туда поеду, можешь не беспокоиться: по крайней мере одно убийство тебе обеспечено, – пообещала она. – Джуди убьет меня раньше, чем я успею ступить на порог их дома.

– Хороший мне предстоит денек! – пробормотал я. – Может, ты все-таки оденешься?

– Ладно. – Она недовольно улыбнулась. – О таком Руди и не мечтал: жена и любовница под одной крышей!

Думаю, что все-таки там будет интересно!

Она небрежным жестом сняла бикини, под которыми узкой полоской белела кожа, составляющая резкий контраст с загорелым телом.

– Пять минут, и я буду готова.

– Не торопись, – сказал я и взял ее за руку.

Камилла тихо рассмеялась и попятилась в спальню.

– Тебе же было некогда, помнишь? – Она высунула язык и захлопнула дверь. Щелкнул замок.

Я остановил машину позади "линкольна" и выключил мотор.

– Славное местечко, – небрежно сказала Камилла. – Океан продавался вместе с домом?

– Естественно, – кивнул я. – Его импортировали специально для этой цели.

Я взглянул через плечо на Харкнесса и Лютера, которые выпрямившись сидели, прижавшись к дверцам – один к левой, другой к правой, – и за всю дорогу не обмолвились ни словом.

– Приехали! – сказал я. – Давайте выбирать.

– Да, лейтенант, – напряженно ответил Лютер.

– Как прикажете, лейтенант, – так же напряженно отозвался Харкнесс.

Он сунул себе в рот жевательную резинку и угрюмо заворочал челюстями. Я вышел из машины и вытащил их чемоданы из багажника. В это время из-за угла дома появились Джуди и Руди и направились к нам.

– Рад вас видеть, лейтенант, – сказал Руди, всем своим видом выражая обратное. Он поглядел на всех остальных с застывшей на лице нервной улыбкой:

– Бен! Дон, привет! – и судорожно вздохнул.

– Руди, дорогой, надеюсь обо мне ты не забыл? – с невинным видом поинтересовалась Камилла.

– Камилла, – прошептал он дрожащим голосом.

Джуди подошла и встала рядом с ним, небрежно взяв его под руку жестом абсолютной владелицы этого человека.

– Привет, – сказала она спокойно. – Что же вы стоите, заходите в дом. Все уже готово. Можно выпить и поболтать. Руди позаботится о ваших чемоданах.

Харкнесс и Лютер молча направились к дому. Джуди повернула голову и взглянула на Камиллу. Как будто только что ее заметила.

– О, да это Сандра, – любезно проворковала она. – Как я рада тебя видеть! Сколько лет, сколько зим!

– Джуди, дорогая, – сказала Камилла медовым голосом. – Сразу видно, что ты давно не была в Окридже.

Как я тебе завидую. Живешь в Голливуде, где к твоим услугам любой хирург по пластическим операциям.

Лицо Джуди помрачнело.

– Руди! – резко сказала она. – Забудь о чемоданах.

Сначала проводи – как тебя сейчас зовут, милочка? Ах да, Камилла! – Она опять взглянула на Руди:

– Проводи Камиллу в дом и проследи за тем, чтобы всем нашлось выпить.

– Ну конечно! – Руди вздохнул так, будто у него гора с плеч свалилась. – Конечно, – счастливым голосом повторил он.

– Мы можем поговорить по дороге, Руди, – небрежно сказала Камилла, беря его под руку с другой стороны тем же собственническим жестом, что и Джуди.

– Любимый! – сказала она тихо, но все же позаботилась о том, чтобы Джуди ее ясно расслышала. – Я так скучала по тебе ночами!

Лицо Джуди исказилось яростью, и она уже было двинулась вперед, когда я поймал ее за руку.

– Успокойтесь, – сказал я.

– Ведьма! – проскрежетала она. – Я выцарапаю ей глаза!

– Давайте сначала займемся другим, – предложил я.

Она постепенно успокоилась:

– Вы думаете, это хороший план, лейтенант? Я имею в виду, собрать их всех вместе.

– Так легче вести наблюдение, – сказал я.

– Это ужасное письмо! – Она задрожала, – Мне становится страшно каждый раз, как я подумаю о нем! Как вы считаете, кто его написал?

– Уверен, что один из присутствующих здесь, – честно признался я. – Почему бы нам не пройти в дом и не выпить, как вы очень своевременно предложили!

– Минутку, – сказала она. – Я специально отослала Руди, чтобы поговорить с вами. Как мне надо себя вести?

– То есть? – спросил я непонимающе.

– Эта вечеринка – ваша идея, – нетерпеливо сказала она. – Что я должна делать? Играть гостеприимную хозяйку?

– Я думаю, это самое разумное, – согласился я. – У вас есть где устроить всех на ночь?

– Не хватает только швейцара, и можно сказать, что мы открыли отель, – сказала она сухо. – Это не проблема, мне только придется проследить, чтобы Руди случайно в темноте не ошибся комнатой.

– Отлично, – сказал я. – Так пойдем выпьем?

Мы уже вошли на крыльцо, когда Джуди внезапно схватила меня за руку.

– Еще секунду, лейтенант, – быстро проговорила она. – У меня к вам еще одна просьба: я все-таки хотела бы остаться в живых!

Глава 12

Мне все-таки не повезло – пришлось делить комнату Барбары Арнольд на двоих с Полником.

– Джуди сказала, что обед будет готов через тридцать минут, – счастливым голосом объявил он. – Говорят, будут картофельные котлеты с подливкой из шиньонов.

– Их доставят из парикмахерской? – холодно осведомился я.

На лбу его собрались морщины.

– Это шутка, да, лейтенант?

– Не уверен, – признался я.

Он стоял на месте, разглядывая пишущую машинку:

– Вы собрали их здесь всех вместе потому, что они подозреваемые, правильно, лейтенант?

– Правильно, – кивнул я.

– Потому что Джуди получила письмо, где говорится, что ее завтра убьют, вы собрали всех подозреваемых в одном месте. Правильно, лейтенант?

– На сто процентов.

– Но ведь письмо написали вы! – торжествующе воскликнул он. – Я не понимаю, лейтенант!

– Но это так просто, – сказал я. – Если завтра Джуди никто не убьет, придется

это сделать мне.

– Но кого же мы тогда арестуем? – упрямо спросил он.

– Да, об этом я не подумал. – Мне даже пришлось почесать в затылке для пущей достоверности. – Наверное, того, кто первый под руку попадет.

– Иногда, лейтенант, – сказал он, внимательно наблюдая за мной краем глаза, – я хотел бы быть уверенным в том, что вы шутите!

– Пойдем лучше выпьем перед обедом, – предложил я. – Ночка сегодня выдастся тяжелая.

– Да. – Его лицо моментально просветлело. – Вы все-таки попробуете этого "Наполеона" лейтенант?

– Я тебе не советую иметь с ним дело, – посоветовал я. – А то окончишь свои дни на острове Каталины.

Я закрыл за собой дверь и пошел в гостиную. Подходя к комнате с бассейном, я услышал плеск воды и фыркание и уже решил, что сейчас обнаружу еще один труп.

Через секунду я понял, что беспокоиться нечего: труп был живой и лениво плавал вдоль бортика, облаченный в очень маленькое бикини.

– Ты опоздаешь к обеду, – сказал я. – И кто знает, когда у тебя будет шанс поесть?

– Не все ли тебе равно, – неопределенно булькнула Камилла, повернувшись на спину и полужакрыв глаза.

– Конечно нет, – сказал я. – Знаешь, что сделает голод с твоим изумительным телом?

Она скорчила гримасу, затем несколькими легкими взмахами подплыла к дальнему краю бассейна и вскарабкалась на невысокую стенку, окружающую его со стороны пляжа.

– Присоединяйся, Эл Крестьянин! – сказала она, встряхнув волосами и откинув назад голову. – Вода изумительная!

– Я предпочитаю принимать жидкость внутрь, – объяснил я. – Пошли лучше в бар.

– Еще раз окунись, и все, – сказала она. – Пойди приготовь мне пока "Поцелуй Дьявола".

Она выпрямилась, приняв позу для ныряния, и, не удержав равновесия, сделала шаг назад. Предупредить ее было слишком поздно. Стенка была узкой, и ее нога не нашла в воздухе никакой опоры.

Камилла взмахнула руками и внезапно исчезла из поля зрения. Я услышал

глухой удар о песок и понадеялся, что кости все же останутся целы. Секунд через пятнадцать над стеной показалась ее голова.

– Ты бы мог предупредить меня, – обиженно заявила она.

– Честное слово, – сказал я, – проста не успел – все случилось слишком быстро.

Она опять взобралась на стенку и осторожно слезла на пол. К мокрой загорелой коже прилип песок с чисто уилеровским энтузиазмом.

– Черт побери! – просто сказала Камилла. – Пойду приму душ!

Она ступила на ковер и подошла ко мне.

– Смешай мне пока коктейль, – попросила она. – Мне он сейчас не помешает!

Я не ответил, так как был слишком занят разглядыванием отпечатков ее ног на ковре.

– Что ты стоишь как пень, Крестьянин? – сказала она нетерпеливо.

– Я сделаю тебе самый большой в мире "Поцелуй Дьявола"! – радостно сказал я, закончив рассматривать мокрый песок на ковре. – И я подарю тебе самый большой полицейский детективный значок!

– Что ты там болтаешь? – сказала она холодно. – Не думай, что я так горда тем, что со мной спит полицейский, и буду носить всякую дрянь, чтобы все об этом знали!

Мы успели выпить только по одному бокалу, когда нас пригласили к столу. Джуди Мэннерс изображала гостеприимную хозяйку, и это у нее получалось не так уж плохо. По одну сторону стола сидели Руди, Лютер, Камилла и Полник, по другую – Джуди, Харкнесс и я.

Беседа не заладилась, и к тому времени, когда подали кофе с ликером, я решил исправить положение: как-никак вечеринка была моей идеей.

– Почему бы нам не придумать что-нибудь, – весело предложил я. – Может, поиграем?

Джуди мрачно взглянула на Камиллу.

– Некоторые этим занимаются всю жизнь, – проворчала она, – и играют, и заигрывают.

– Как мы все любим перекладывать с больной головы на здоровую, – сказала Камилла, цинично взглянув на Джуди. – Я вычитала это в какой-то книге. Ты же знаешь, дорогая, что тебе никогда не удавалось удержать мужчину. Помнишь Джонни Кея?

– Не смей впутывать сюда Джонни! – резко сказала Джуди.

– Почему? – Камилла невинно улыбнулась. – Ведь это на мне он собирался

жениться, помнишь?

– Я никогда не верила этому. – Она отчаянно пыталась говорить спокойно. – Ты просто не из тех, на ком женятся. Да и что ты можешь дать мужчине? Не говоря уж о доме и семье, ты даже не можешь приготовить ему обед!

Повисло напряженное молчание. Женщины смотрели друг на друга, как два боксера в разных углах ринга, ожидающие сигнала к бою.

– Я однажды был на вечеринке, – решительно встрял я, – так там придумали новую интересную игру. Называется она "Угадай почему". Хотите поиграем?

Харкнесс твердой рукой накладывал себе в кофе взбитые сливки и на секунду прервался:

– Что вы петляете вокруг да около, лейтенант? Все мы знаем, что Джуди Мэннерс получила письмо и что из-за этого вы собрали всех нас здесь. Если вы хотите задавать вопросы – это ваше право, но только перестаньте выдумывать всякие игры.

– Спасибо, – сказал я. – Так мы и сделаем. Я хотел бы поговорить именно о мотивах преступления. Начнем хотя бы с вас и поддельных подписей под контрактами.

– Они не поддельные, – сказал Харкнесс с горечью. – Спросите их, они подписали.

– Вы подписали? – Я взглянул на Джуди.

– Я уже говорила, что нет, лейтенант, – холодно ответила она.

– Это ложь, – сказал Харкнесс.

Я посмотрел на Руди, который нервно обгрызал ноготь на мизинце:

– Вы?

– Нет. – Голос у него внезапно охрип, он откашлялся и повторил:

– Нет, я ничего не подписывал.

– Это ложь, – утомленно сказал Харкнесс. – Вся беда в том, что я никак не могу понять, почему он лжет?

Может, потому, что пытается скрыть свою связь с этой Барбарой?

– Он лжет! – громко сказал Руди.

– Связь? – переспросил я.

– Я как-то пытался поцеловать эту Арнольд, – продолжал Харкнесс. – Она мне нравилась, и мне показалось, что ей, должно быть, очень одиноко здесь без друзей. Она ударила меня палкой. Я никак не мог понять, в чем дело, пока

как-то раз не зашел сюда без предупреждения. На звонок никто не ответил, но машина Руди стояла у крыльца, и я решил, что он гуляет где-то на пляже. Я пошел туда, но никого не увидел. Но, проходя вдоль ограды бассейна, я услышал за стенкой какие-то голоса. Я перебрался через стенку и очутился в доме.

Они лежали прямо на ковре. Поверьте, лейтенант, меня не легко смутить, но тут я впервые за двадцать лет покраснел.

– Почему вы не рассказали мне этого вчера, когда я задал вам вопрос о Руди и Арнольд?

– Я солгал, – подтвердил Харкнесс. – Я солгал.

Я считал, что мне следует защитить своего актера. Но сейчас я не хочу из-за него совать голову в петлю.

– Правда – это всегда хорошо, – одобрил я. – В особенности когда деваться уже некуда.

Равель дико посмотрел на Харкнесса.

– Я разобью твою башку о стенку! – прохрипел он. – Он лжет, лейтенант, Барбара была секретарем. У нас с ней никогда ничего не было!

– А кем была Камилла, дружок? – спросила Джуди ломающимся от ярости голосом. – Твоей служанкой?

– Я была его любовницей, дорогая, – лениво сказала Камилла. – Не обманывайся на этот счет. Служанку он мог найти у себя дома!

Лютер смотрел на происходившее ошалелыми глазами: у него было такое выражение лица, будто его только что достали из гроба, где он пролежал минимум неделю.

– С какой стати эта Арнольд стала бы мне лгать? – спросил он резко.

– Может быть, это была идея Руди? – предположил Харкнесс. – Может, он хотел от меня избавиться, чтобы, расскажи я о нем правду, мне никто не поверил.

Он повернулся к Джуди с измученным выражением лица.

– Вы позволите мне еще чашечку кофе? – спросил он торжественно. – И если можно, несколько пирожков.

Я сам схожу, если они на кухне!

– На кухне, – коротко сказала Джуди, и Харкнесс быстро исчез за дверью.

Руди закурил сигарету, глубоко затянулся, затем заставил себя расслабленно откинуться на спинку кресла.

Сигарета свисала с его нижней губы, и я услышал, как за его спиной

оркестранты настраивают инструменты.

Через секунду грянула бодрая тема главного героя.

– А если у меня и было что-то с Барбарой? – спросил он. – Так что с того? Я нравлюсь женщинам и знаю это. Не могу же я отталкивать человека, который хочет сделать мне приятное. Зачем мне быть жестоким? Вы знаете, что все мы придаем слишком большое значение половому вопросу. Это, конечно, не совсем нормально...

– Это он говорит мне! – с поддельным ужасом закричала Камилла.

– По-моему, мы слишком большое значение придаем Руди Равелю, – резко сказала Джуди. – С меня хватит! Я заболею от всей этой грязи! Меня каждый раз тошнит, стоит мне взглянуть на своего очаровательного супруга!

Она встала из-за стола и быстро направилась из комнаты, чуть было не выбив из рук возвращавшегося из кухни Харкнесса тарелку, полную пирожков.

– Бедный Руди! – с жалостью сказала Камилла. – Такие неприятности! Я всегда думала, что только я понимаю тебя, дорогой, но ты никогда не говорил мне, что секретарша тебя тоже понимает!

Музыкальное сопровождение не утихало – Руди окончательно вошел в образ и решил доиграть любимую роль.

– Камилла, дорогая, – сказал он с легкостью. – Зачем мне было усложнять твою жизнь? У нас с тобой было чисто деловое соглашение: ты удовлетворяла меня, я платил ренту. Психоанализа в нашем договоре не значилось.

Глаза Камиллы изумленно блеснули.

– Ты прав, – медленно произнесла она. – Чего-чего, а сантиментов в нашей связи не было.

Лютер резко поднялся.

– Если вы не возражаете, – сказал он, – я пойду, с меня хватит!

– Сядьте, – отрезал я. – До вас мы еще не добрались.

– До меня? – Он медленно опустился в кресло.

– Прошлой ночью, когда вы стреляли в Руди Равеля, спутав его с Харкнессом, – начал я, – вы рассказали мне длинную историю. О том, как вы преследовали автомобиль, потеряли его на красном свете и так далее... Но Харкнесс все это время сидел здесь. Так кого же вы преследовали весь вечер? Может быть, его двойника?

Углы его губ дрогнули, и он сжал кулаки так, что побелели костяшки пальцев.

– Не знаю, поверите ли вы мне, лейтенант, – проговорил он хриплым голосом – А вы испытайте меня, – предложил я.

– Когда Харкнесс не пришел к назначенному времени, – сказал он, – я позвонил Джуди и спросил, подписала ли она этот контракт. Она ответила, что не подписала, и предположила, что Харкнесс подделал их подписи. Затем она сообщила мне, где его можно найти – у любовницы, в "Дневной мечте". Она даже описала, как он одет. Я поехал, а остальное вы знаете. Я чуть было не убил Руди.

Харкнесс подавился пирожком.

– Джуди хотела, чтобы ты меня убил?! – взвыл он.

Руди внезапно вскочил. Соло на скрипке было безнадежно испорчено нервными аккордами рояля.

– Вас? – заорал герой. – На кой черт вы ей нужны?

Она хотела, чтобы Лютер убил меня... Изрешетил меня пулями, как жестянку в тире!

– Зачем? – спросил я.

– Вот именно это я и хочу узнать, и, черт меня побери, узнаю прямо сейчас! – прорычал он, направляясь к дверям.

Харкнесс откашлялся, выплюнул последние крошки, застрявшие в горле, и немилосердно взвыл:

– Руди!

Равель остановился у двери и взглянул на него.

– Контракты, – сказал Харкнесс. – Вы ведь подписали их, подписали при мне. Зачем вы солгали?

– Это все идея Джуди, – с горечью сказал Руди. – Она считала, что если вы поссоритесь с Лютером, то мы сможем больше заработать. – Он вышел, закрыв за собой дверь.

– Харкнесс, – упрекнул я его. – Кто, в конце концов, здесь полицейский?

– Простите, лейтенант. – Он потянулся за последним пирожком. – Мне просто надоело ходить в негодах.

Лютер поднял голову, и глаза его сверкнули.

– Она лгала мне! Она хотела, чтобы я убил ее мужа для нее же! Погодите, дайте мне добраться до...

– Сядьте! – оборвал я его. – Один раз вы чуть было не совершили преступление. Не пытайте счастья во второй.

Он даже не расслышал меня. В его глазах сверкала жажда убийства, а рот был

искривлен в уродливой усмешке, пока он шел к двери.

– Полник! – крикнул я.

– Да, лейтенант!

Полник двигался удивительно быстро для мужчины такой комплекции. Он перехватил Лютера у самой двери и положил ему на плечо руку.

Лютер резко повернулся. Его кулак изо всех сил опустился на физиономию Полника. Полник раздраженно крикнул, чуть откинулся назад и прочно поместил свой кулак в живот противника. Я поморщился. Полник с интересом смотрел, как Лютер падает, потом подхватил его на руки, отнес в гостиную на диван и вернулся через несколько секунд.

– С ним все будет в порядке, лейтенант, – сказал он. – Пусть отлежится.

Он опять уселся за стол, закурил сигарету, затем вдруг уставился на меня с каким-то проблеском мысли в глазах.

– У меня возникла прекрасная идея, лейтенант, – сказал он с энтузиазмом. – Чего нам всем сейчас не хватает, так это Наполеонова пойла!

– Давай, – сказал я. – Ты организуй коньяк, а я пока пойду посмотрю, как там воркуют наши влюбленные голубки.

Я сделал всего несколько шагов, когда раздались выстрелы. Сначала один, потом три подряд.

– Господи! – сказала Камилла. – Прямо сюжет для какого-нибудь юмористического журнала.

Тело Руди Равеля лежало на спине, в очень неудобной позе, с руками, закинутыми за голову, в комнате Джуди Мэннерс. На груди влажно поблескивала кровавая масса. Его удивленный взор устремлен в потолок, а рот искривлен в какой-то неопределенной усмешке.

Джуди Мэннерс стояла, прислонившись к стене, в ее глазах застыл ужас. Ее правая рука неподвижно повисла вдоль тела, а пальцы продолжали сжимать рукоятку пистолета. Одна пола ее жакета была почти оторвана и болталась на ниточке, лямка лифчика сползла на руку, обнажив изумительной формы грудь.

– Я не хотела этого, – прошептала она, – он был как бешеный, как сумасшедший! Он хотел убить меня! Он кинулся на меня как дикий зверь!

Полник стоял позади меня. Я слегка повернул голову и быстро сказал:

– Позвони шерифу, расскажи, что случилось, и проследи, чтоб сюда никто не заходил.

– Да, лейтенант. – Он закашлялся в дверях, глядя на Джуди Мэннерс. – Так это был он, да? Я всегда говорил, что он негодяй!

– Оставь это для "своих мемуаров, – отрезал я, и Полник торопливо вышел из комнаты, прикрыв за собой дверь.

Джуди дрожала.

– Я должна была сразу догадаться, – пролепетала она. – Она всегда ненавидела меня, она хотела отнять у меня моего мужа! Однажды она уже оттолкнула от меня Джонни, но и тогда у нее ничего не вышло. Он погиб.

– Вы говорите о Камилле?

– Я говорю о Сандре Шейн, – холодно поправила она меня. – Руди кое-что выболтал мне в ярости, но я сама уже обо всем догадалась. Она хотела выйти за него замуж, избавиться от меня раз и навсегда. Он с ума сходил по ней, идиот! И на все был согласен! Эти письма писала она, расчет был точный. Но они сделали одну ужасную ошибку: убили не меня, а Барбару Арнольд!

– Вам все это рассказал Руди? – вежливо спросил я.

Она кивнула, затем взглянула на его распростертое тело.

– Он только что узнал, что я пыталась отделаться от него, когда выдала его Бену Лютеру, – сказала она. – Это была самозащита, лейтенант. Я твердо знаю, что это они убили Барбару Арнольд, но у меня нет никаких доказательств. – Она помолчала. – Руди вбежал ко мне, крича и ругаясь, с пистолетом в руке. Он ударил меня по лицу, разорвал мою одежду... Он был невменяем!

Когда он прицелился в меня, я выхватила у него пистолет, секунду мы боролись, а потом пистолет выстрелил. Он попятился. Но наверное, я промахнулась. Он опять пошел на меня! Я поняла, что он убьет меня, если завладеет пистолетом, поэтому я прицелилась и спустила курок!

– Три раза? – мягко спросил я.

– Я помню только, что все время стреляла, пока он не перестал идти на меня. Это было ужасно, ужасно!

Ее лицо скривилось, и по щекам покатились слезы.

– Вы ведь и раньше знали, что Камилла, то есть Сандра Шейн, – любовница Руди, – сказал я. – Правда, то, как вы отреагировали на мои слова сегодня утром, доказывает обратное, но, может быть, вы именно этого и добивались?

– Что вы говорите? – Она нахмурилась сквозь слезы.

– Я говорю, что это было умно задумано, – сказал я. – Очень умно, но, к сожалению, ничего не вышло.

– Не понимаю, – прошептала она.

Я прислонился к двери и закурил сигарету.

– Вы такая ревнивица, Джуди. О вашей ревности даже в детские годы до сих пор

помнят в Окридже. Я все никак не мог понять, почему они не нашли даже и следа того бродяги, который убил вашу подругу Пирл Коулмен? Ответил на этот вопрос ее отец, и я думаю, что он был прав. Никакого бродяги не было. Вы убили Пирл Коулмен, чтобы избавиться от своей соперницы!

Джуди закрыла глаза и в отчаянии затрясла головой.

– Как вы можете так думать? – сказала она хриплым голосом.

– Если вы чего-то хотели, вы этого добивались, – продолжал я. – А когда вы чего-то добивались, то уже не желали ничего терять. Так было и с Руди. У него не было ни малейшей надежды хоть как-нибудь избавиться от вас, поэтому-то он и искал утешения и нашел его в Барбаре Арнольд и Сандре Шейн.

– Что вы пытаетесь доказать? – с истеричными нотками в голосе сказала она.

– Вы все подготовили. Вы знали, что той ночью Руди будет у Сандры. Вы убили Барбару Арнольд, затем позвонили в полицию и, изменив голос, сообщили об убийстве Джуди Мэннерс. После того как я обнаружил труп, вы даже упали в обморок. Но никто и не говорит, что вы – плохая актриса.

– А письма? – резко спросила она. – Слезы на ее щеках давно высохли. – Кто писал письма?

– Кто написал последнее из них, вы хотите сказать?

Могу побиться об заклад, что оно действительно встревожило вас! Что же касается остальных, то, конечно, их написали вы. Они должны были навести полицию на мысль о Сандре Шейн, которая знала ваше прошлое. А обнаружить ее связь с Руди – дело очень легкое.

– Вы сумасшедший! – прохрипела она.

Мне пришлось отдать ей должное: она и глазом не моргнула, когда я ей сказал про это последнее письмо.

– Но вы хотели превзойти саму себя и еще больше усложнили дело, впутав сюда историю с поддельными подписями под контрактами, – продолжал я. – Руди и не подозревал, что вы прекрасно знаете о его связи с Барбарой Арнольд и Сандрой Шейн, поэтому он, естественно, никогда бы не подумал, что это вы убили секретаршу и что вы собираетесь убить его. Когда вы рассказали Лютеру, как найти Харкнесса, вы надеялись, что он убьет его, выполнив за вас грязную работу. После этого вы просто отрицали бы то, что сказали ему: он говорил бы одно, вы – другое, но к тому времени Лютер был бы уже убийцей, которому веры ни на грош.

– Для меня все это звучит как китайская грамота, лейтенант. Вы можете доказать свои обвинения?

– Той ночью, когда убили Барбару Арнольд, – сказал я, – кроме вас двоих в доме никого не было?

– Я уже говорила, мы были одни.

– Никто не заходил в дом, если не в дверь, так, может быть, в окно?

– Невозможно!

– Следовательно, убийца перебрался через стенку бассейна в комнату и убил Барбару?

– Конечно! На песке снаружи были следы ног. Их обнаружил ваш сержант.

– В таком случае почему, – спросил я, – этих следов не оказалось внутри, на ковре? Ни одной песчинки?

Все-таки образования мне явно не хватает. Я абсолютно упустил из виду, что в руке у нее был пистолет.

Джуди этого не забыла. Она медленно подняла его на уровень груди.

– Вы сделаете все, чтобы я угодила в газовую камеру, – сказала она. – Ну так вам это не удастся!

– Уберите пистолет, Джуди, – сказал я спокойно. – Это вам не поможет.

– Не думаю, – сказала она, прикидывая что-то в уме. – Вы часто виделись с Сандрой Шейн, не так ли?

Лютер говорил мне об этом прошлой ночью, когда звонил и рассказывал о своей неудаче. Я просила его молчать об этом, пообещав за это подписать контракт на картину, на которой он смог бы прилично заработать.

Может, мне сказать вашему шефу, что вы были влюблены в Сандру еще сильнее, чем Руди? И о том, что, когда вы догадались, что они совершили убийство секретарши и собираются убить меня, вы заключили с ними договор?

– Кто этому поверит? – бросил я презрительно.

– Что я теряю? – спокойно сказала она. – Я убью вас, расскажу шерифу свою историю, может быть, он поверит!

Дверь за моей спиной распахнулась, и оживленный голос Полника произнес:

– Шериф приехал, лейтенант. Вы...

Нервы у Джуди к тому времени были натянуты как струна. Она отреагировала автоматически, и пистолет выстрелил, послав пулю в притолоку всего в нескольких дюймах от головы Полника.

Я быстро нырнул вперед, схватил ее за кисть и вывернул с такой силой, что она закричала от боли и уронила пистолет на пол. Мне пришлось отпрыгнуть в сторону, когда она попыталась ударить меня свободной рукой.

– Успокойся, детка, – сказал я, – у тебя еще осталась пара недель до газовой камеры!

Полник скрутил ей руки без особого труда.

– Никогда не поймешь этих женщин, лейтенант, – возмущенно произнес он. – А я-то считал, что нравлюсь ей!

Глава 13

Лейверс крепко зажал сигару в зубах и взглянул на меня.

– Мне это не нравится, – веско сказал он.

– Я думал, вы останетесь довольны, шериф, – сказал я обиженным голосом. – Всего один труп, да и то я здесь ни при чем.

– Эта вечеринка – ваша идея, – зарычал он. – Не было бы вечеринки, не было бы и трупа!

– Вы хотите сказать, что мы так и не раскрыли бы преступление? – спросил я. – И вы по-прежнему сидели бы у себя в кабинете, волнуясь, нервничая, дергаясь, беспокоясь, что газетчики пронюхают об этой истории?

– Я никогда не дергаюсь, – отрезал он. – По крайней мере, это не то, что вы думаете. А убийство Равеля вы должны были предотвратить!

– Шериф, откуда мне было знать, что она убьет его?

Я ведь не ясновидящий? – не подумав, ляпнул я.

Его лицо исказила зловещая ухмылка.

– Вот как, Уилер? – сказал он злорадно. – А я было уверился в обратном, когда ко мне зашла Аннабел справиться насчет того письма миссис Мэннерс!

– Что ж, – слабо оборонялся я, – в этом деле с Равелем ясновидение меня подвело.

– Но вы пересказали содержание письма слово в слово, – безжалостно продолжал Лейверс. – И даже не видя его! Вот это да! Как это у вас только получается?

– Это у него действительно здорово получилось, – с гордостью сказал Полник. – Насчет письма. Я сначала никак не мог понять...

– Полник, – быстро прервал его я. – Не надо рассказывать шерифу, по какой причине я на самом деле устроил вечеринку. Я бы хотел удержать в тайне от него вашу страсть к "Наполеону".

Я убийственно на него посмотрел, но сразу же понял, что беспокоиться мне не о чем. Упоминание о коньяке попало куда надо: он сразу заткнулся.

– Вы говорили, сержант... – с надеждой сказал Лейверс.

– Что, шериф? – невинно покосился на него Полник.

– Вы говорили, что сначала никак не могли понять...

Чего вы не могли понять?

– О, это, – встрепнулся Полник. – Я сначала никак не мог понять, зачем ему надо было устраивать вечеринку, как он только что сам об этом сказал.

Лейверс пробормотал что-то себе под нос, и Полник поморщился.

– Шериф, – сказал я, – если я вам больше не нужен...

– Вы мне больше не нужны, Уилер, – сказал он важно. – Как всегда, мне приходится самому расхлебывать кашу, которую вы заварили. А что делать с остальными?

– Я не вижу причин задерживать их, сэр.

– А Лютера? Он ведь пытался убить Равеля прошлой ночью?

– Не думаю, что Равель предъявит ему обвинение, – заметил я. – А так как до Лютера дошло, что Харкнесс его не обманывал, то и с этой стороны нам нечего бояться.

– Прекрасно, – сказал шериф. – Уилер раздает свободу преступникам щедрой рукой, и весь мир рукоплещет!

Я вышел из комнаты, пока он не надумал чего-нибудь еще, и направился в гостиную.

Камилла сидела с закрытыми глазами, откинув голову на подушки кресла. Лютер и Харкнесс примостились бок о бок на кушетке и что-то горячо обсуждали.

Когда я вошел, все как один повернули ко мне головы.

– Что дальше, лейтенант? – быстро спросил Лютер.

По нему не было заметно, что он только что отлеживался после удара Полника.

– Все кончено, – сказал я. – Можете идти по домам.

– Что ж! – Харкнесс встал. – Рад слышать это. Я умираю от голода! Бен, – он повернулся к Лютеру, – почему бы нам не отужинать в моем отеле? Мы можем заново составить контракт.

– Чудесно, – прогудел Лютер. – У тебя светлая голова. Дон, мой мальчик! Это будет такой фильм!

Он обнял Харкнесса за плечи, и они медленно направились к выходу.

– А насчет процентов, – говорил Харкнесс, ритмично пережевывая очередную порцию жевательной резинки, – это ведь новый материал, Бен. Поэтому проценты...

Дверь за ними закрылась.

Камилла поднялась с кресла.

– Мне тоже пора, – сказала она.

– Но ты очень важный свидетель по этому делу, – напомнил я.

– Ты хочешь сказать, что я должна буду остаться здесь?

– Я хочу сказать, что не могу отпустить тебя домой без надежной охраны, – сказал я. – Это важное дело поручили мне.

– Поручили? – Ее губы расплылись в широкой улыбке. – Кого ты хочешь одурачить, Эл Крестьянин?

– Золушка! – сказал я с восхищением. – Ты читаешь во мне как в открытой книге!

Когда мы добрались до "Дневной мечты", было уже около полуночи.

Камилла исчезла в спальне, попросив меня смешать ей очередной "Поцелуй Дьявола". Я смешал коктейль, налил себе вики и уселся на кушетку, терпеливо ожидая, когда она выйдет.

Я продолжал думать о Джуди Мэннерс. В самом начале жизни ревность заставила ее избавиться от одной соперницы – и как жестоко судьба посмеялась над ней!

Может быть, именно тогда она решила, что если у нее будет мужчина, то она не потеряет его никогда, как потеряла Джонни Кея, который остался во Вьетнаме. Руди сам подписал смертный приговор и себе, и своей любовнице, когда начал изменять жене. Интересно, кто заберет тело Джуди из газовой камеры? Близких родственников у нее не было. Я на секунду закрыл глаза и вновь очутился в Окридже, на кладбище, а передо мной маячил темный силуэт старика на фоне заходящего солнца.

Старый Коулмен восемь лет ждал этого дня, и он не обманулся в своих ожиданиях.

В комнату впорхнула Камилла и немедленно схватила бокал с коктейлем. На ней было то самое свободное платье, на которое пожалели материала, компенсировав длину шириной. Она подошла к кушетке с бокалом в руках, ее платье раздувалось пузырем, и я совсем забыл об убийстве и старом Коулмене.

Она легко скользнула мне на колени.

– Я рада, что все позади, – сказала она. – Руди стал для меня привычкой, а это

так скучно!

– Но все же он платил ренту, – заметил я. – Что же ты будешь делать теперь?

– Об этом можешь не беспокоиться, – весело сказала она. – Об этом будут беспокоиться другие.

– Кто? – спросил я с любопытством.

– Разве ты не слышал, как Лютер с Харкнессом обсуждали свой новый контракт?

– Конечно, но при чем здесь ты?

– Я оказалась очень фотогеничной, – объяснила она спокойно. – И у них возникла прекрасная мысль – снять фильм о жизни и смерти Джуди Мэннерс. Придется, конечно, кое-что додумать, но фильм обещает быть чудесным!

– И что?

– А то, что у меня в этом фильме главная роль, – сказала она счастливым голосом. – Утром я встречаюсь с Харкнессом и подписываю контракт. Голливуд, вот и я!

– По крайней мере, это решает вопрос с рентой.

Она допила коктейль и небрежно бросила пустой бокал через плечо.

– Вот как, Эл Крестьянин! – сказала она, прислушиваясь к звону бьющегося стекла. – Вот как я сейчас себя чувствую!

– Золушка! – выдохнул я восхищенно. – Я чувствую себя точно так же! – И мой бокал полетел в том же направлении.

– Тогда не выключай свет, – сказала она, прижавшись ко мне с такой силой, что я даже не успел сказать ей, что не имею ни малейшего желания выключать свет.

Так же как и она, я твердо надеялся, что тот маленький человечек с биноклем уже испарился.